НАБЛЮДАТЕЛЬ КОНЦА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ginser и Базя

Даниил Гинсер

Наблюдатель конца

«Автор»
2026

Гинсер Д. А.

Наблюдатель конца / Д. А. Гинсер — «Автор», 2026

Артур возвращается на родину, от которой когда-то сбежал, надеясь разобраться в себе. Прошлое не отпускало его, настоящее тяготило, а будущее не обещало ничего. Но вместо ответов его встречают старые связи, забытые обиды и мир, который уже стоит на краю пропасти.Привычная реальность начинает превращаться в кошмар после нелепой первоапрельской шутки, зашедшей слишком далеко.

© Гинсер Д. А., 2026
© Автор, 2026

Наблюдатель конца

Глава 0. Первоапрельская шутка – Пролог

Огонь потрескивал в зябкой ночи, плюясь мелкими искрами из костра. Два мальчугана тянули к нему свои худые ладошки и с упрямым жаром спорили, кто дольше вытерпит его дыхание. А девочка, их сестрица, была на год старше – так, по крайней мере, говаривал отец. Да только в кровное родство их верилось с трудом: беловолосая, зеленоглазая, она была совсем не похожа на рыжих двойняшек, чьи лица щедро осыпало веснушками.

Седовласый тогда сидел поодаль, подперев щёку сухой ладонью и лениво перелистывая свой блокнот, где между заметками и расчётами теснились чертежи, больше похожие на каракули. На громкие всхлипы близнецов он только шикал да грозил им кулаком, хотя и без злости.

Огонь в камине понемногу разгорался, с каждым мгновением наливаясь светом. И вдруг вместе с теплом в память, точно из щели, снова просочился въевшийся запах гнили. Он ударил в нос так ясно, что по спине у мужчины пробежали мурашки. Тот дёрнулся, быстро раздвинул малышню в стороны и, выхватив из огня тлеющее полено, принялся торопливо затаптывать его.

– Деда, опять? – шёпотом спросила девочка.

– Вам уже пора спать, – ответил седовласый чуть громче, чем следовало. Потом недовольно, почти жалобно, пробурчал себе под нос: – И вообще, мне всего тридцать… Какой деда?

После этих слов дети с головой юркнули под два слоя хлопковых одеял и, устраиваясь поудобнее на матрасах, тут же жалобно заныли:

– Ну расскажи.

Мужчина вздохнул, ещё немного поворчал для порядка, а потом сдался:

– Ладно, ладно. Что вы сегодня хотите послушать?

– Расскажи про тот день, – в один голос попросили они.

Прежде чем снова нырнуть в воспоминания, он подошёл к окну, проём которого был затянут брезентом. Света тот не пропускал, и это здорово помогало не привлекать лишнего внимания. Крыша у здания была когда-то крыта металлочерепицей, но в первые месяцы всеобщего безумия металл, как и многое вокруг, начал стремительно ржаветь и будто гнить изнутри. Та черепица, что успела обвалиться, была давно скинута вниз и нарочно разбросана по периметру, особенно со стороны зарослей. Когда кто-то ступал там неосторожно, листы с шорохом и лязгом тёрлись друг о друга, и этот звук служил им неплохим оповещением. Ловушкой этой дети особенно гордились: именно они когда-то подсказали мужчине, как уложить черепицу так, чтобы она не осыпалась раньше времени.

– Запоминайте даты, – сказал он. – Будем дальше память вашу учить. Всё началось…

1 апреля 2027 года.

Прошло чуть меньше года с тех пор, как отгремели три войны. Но мир от этого тише не стал. Наоборот – кризисный пузырь, что копился давно и тяжело, раздуло до таких размеров, что дальше ему уже некуда было расти. Он наливался день ото дня, трещал по швам и всё никак не лопался. А вершиной этой дурной, страшной неразберихи стала первоапрельская шутка, пущенная интернет-сообществом, тем самым, что пуще всего на свете любило шутки да животных.

– А котиков и собачек? И почему кризис? – в два голоса перебили близнецы.

Никто так и не смог доказать, была ли у них в самом деле какая-то особая близнецовая связь, но говорили они порой так слаженно, будто одна мысль делилась сразу на два рта.

– Сколько раз я вам говорил не перебивать, когда я рассказываю? – строго спросил мужчина, но строгости в его голосе, как водится, надолго не хватило. – И да, котиков и собачек тоже любили. И змей. И хомячков. И вообще всякую живность, до которой только можно было дотянуться сердцем и камерой. *Продолжим...*

Юмористы, пользуясь своим человеком внутри, взломали почту американского посольства и от его имени отправили в иранское посольство поздравление с первым апреля. Что именно было в письме, так и не раскрыли, но уже через час воздушное пространство оказалось закрыто, а мировые новости наперебой пытались понять, что вообще происходит.

7 апреля 2027 года

– Из нового иранского суверенного интернета, несмотря на цензуру, всё же просочилась новость, от которой остальному миру стало не по себе. Мгновенно закрытое небо и столь стремительная изоляция сети не дали никому даже объясниться: никто не успел донести, что система была взломана и всё это – дурацкая первоапрельская выходка какого-то интернет-сообщества.

Уже восьмого апреля нескольким людям удалось нелегально прорваться через патрули. Они рассказывали, что иностранных граждан, особенно туристов, насильно отправляют на тяжёлые, почти рабские работы и не выпускают с территории страны, а непокорных бросают в тюрьмы, а то и в места похуже.

Эта новость облетела мир с безумной скоростью. О ней трубили в каждом эфире, в каждой ленте, в каждом плохо проверенном стриме. Страны, не желая бросать своих граждан, сперва ограничились предупреждающими ударами по самым мелким военным складам.

Но потом новости вдруг иссякли. Правительство настороженно молчало даже после этих ударов. На границах больше не было видно ни патрулей, ни машин, ни людей на КПП – всё стояло пустым, будто брошенным в один миг.

И тогда объявились эко-защитники. Собрав больше сотни человек, вооружившись камерами, плакатами и футболками с разорванными рукавами, они двинулись маршем к ближайшему городу, выкрикивая:

«Нет будущей войне! Не травите атмосферу своими взрывами!..»

– Мы тогда с вашей мамой, Яной, сидели в кафе и смотрели новости, а потом и стримы этих защитников, – как бы между прочим добавил рассказчик.

– Мамой? – тихо переспросила девочка из-под одеяла.

– С мамой, с мамой, – проворчал он. – Нам тогда было ужасно смешно смотреть на этих защитничков. Не верили мы, что КПП и вправду пустуют и что они вот так запросто попрутся протестовать дальше. Думали, покричат, поснимают себя на камеры да и разойдутся.

Он ненадолго замолчал, будто снова всматриваясь в ту давнюю картину.

– А дальше началось такое мясо, что и поныне вспоминать муторно. В небольшом городке это было… в Маку, кажется. На улицах пробки из брошенных машин; тогда они ещё ездили, блестели кое-где краской, а не лежали, как нынче, ржавым металлоломом. Тут и там – кровь, клочья одежды, чьи-то сумки, детские ботинки, опрокинутые коляски… А эти дурни, увидев всё это, не повернули назад. Наоборот решили, будто это чья-то дикая акция, флешмоб, представление для камер, и пошли дальше.

– Толпу было слышно за сотни метров, – продолжал он уже тише. – Орали, свистели, кричали лозунги. И на тот крик, будто на зов, они и полезли. Из переулков, из теней, из-под машин, из щелей, в которые, казалось, и кошка-то не пролезет.

Старик на миг умолк и посмотрел на детей так, словно проверял, слушают ли.

– На киношных зомби они не походили, нет. Не было в них ничего такого уж сказочного. Лица, только чуть припухшие, глаза полуприкрытые, рты в крови. Оттого, может, и страшнее: слишком уж настоящими они были.

Он усмехнулся без веселья и качнул головой.

– Вы-то, ясное дело, уже поняли, о ком я. А вот мы с вашей мамой тогда решили, что всё это враньё, истерика, очередная страшилка для новостных лент. И продолжили своё… последнее свидание.

У камина на короткий миг стало совсем тихо.

– К вечеру мама вдруг что-то почувствовала, – сказал он уже мягче. – Её быстро увезли в больницу. И уж не знаю, в первый ли и последний раз нам тогда так повезло, но мест в родильном отделении было достаточно. Мы ещё обрадовались, что не придётся переплачивать и суетиться. Глупые были. Думали, это и есть настоящие беды.

Он посмотрел на девочку и в уголках его глаз мелькнуло что-то тёплое.

– Родилась ты, Рита.

– Слышали! – захихикала из-под одеяла девочка. – Я всё-таки старше вас!

– Деда Лёша, а когда мы появились? – спросил один из мальчиков.

Под одеялами тут же возмущённо зашушукались близнецы, а он только хмыкнул и покачал головой, с какой-то тихой ностальгией продолжая рассказ:

– Прошло три дня с тех новостей, и маму уже выписали. Мы как раз выходили, когда у входа встретили его – Артура. Я с ним никогда особенно не общался, а вот ваша мама когда-то с ним и училась, и дружила. Ещё через дорогу я заметил его глаза – мёртвые какие-то, будто неживые. Первая мысль была совсем дурацкая: подумалось, что я будто видел его раньше в тех видео, что снимали активисты. Но тут он заметил Яну с ребёнком на руках и, не разбирая дороги, бросился через улицу на красный.

Лёша ненадолго смолк.

– Его первые слова я до сих пор помню.

– Тот самый дядя Артур? – спросил один из мальчиков, высунувшись из-под одеяла.

Мужчина только кивнул и с горечью продолжил:

– Ты не ушёл, Лёша? – едва слышно пробормотал Артур. А потом перевёл взгляд на Яну и добавил: – Поздравляю. Не думал, что так скоро.

– Спасибо. Не думала встретить тебя спустя столько лет… – сказала Яна. – С тех пор как ты в двадцать четвёртом перестал общаться с Вовой и Андреем, я о тебе больше ничего не слышала. А ведь ты, кажется, был подписан на мою страницу. Я там уже давно писала, что скоро будет пополнение.

Говоря это, она невольно показала кольцо на безымянном пальце.

– Да, как-то само так вышло, – ответил Артур. – А к своей странице я доступ потерял. Да и не с кем мне там уже было общаться, вот новую и не заводил.

– А ты здесь какими судьбами? – удивилась Яна, а потом ахнула, нафантазировав себе лишнего: – Неужели девушка забеременела?

– Нет, – отозвался Артур. – Тут неподалёку хорошая оптика. Я только полгода как очки снял, вот и хожу на дополнительные процедуры. Восстанавливаюсь.

Дядя Лёша пересказал тот разговор почти дословно, и в голосе его всё ещё слышалось закипающее раздражение. С такой открытой ненавистью он тогда столкнулся впервые, и оттого она казалась ему особенно дикой, почти беспочвенной. Но дальше вспоминалось уже хуже, словно сама память не хотела задерживаться на тех словах, и потому он понемногу увёл рассказ в сторону.

15 апреля 2027 года

– К тому времени страны Ближнего Востока будто пропали с радаров. Мировые СМИ день и ночь обсуждали новую террористическую группировку, которая якобы одновременно захватила власть в Турции и других странах региона. Говорили, будто правительственных лиц атаковали почти разом, одним ударом. Вопросов было много к Штатам, к России, к Китаю, но все лидеры только открещивались, каждый на свой лад.

Он ненадолго перевёл дыхание и продолжил:

– А вечером из аэропорта Кувейта вылетели два пассажирских самолёта. Пилоты вовремя попытались выйти хоть с кем-нибудь на связь, но без толку: радиотехнику начинало глушить, приборы барахлили, связь срывалась.

– Полетели они в разные стороны: один – к Европе, другой – к Азии. Пока шли через воздушное пространство промежуточных стран, всё было тихо. Но когда один из них вышел к Чёрному морю, навстречу ему подняли два дежурных военных истребителя, для опознания неизвестного гражданского борта.

– На связь пилоты не выходили, и патрульные, покачивая крыльями, приказали следовать за ними на посадку. Гражданский «Боинг» ответил тем же и послушно пошёл за ними. Сел он в аэропорту Михаила Когэлничану, недалеко от Констанцы, и сел, надо сказать, удачно.

– Но когда журналисты разглядели кувейтский регистрационный префикс «9K» и окровавленные шасси, поднялся настоящий переполох. Не прошло и десяти минут, как в каждом эфире уже твердили одно и то же: это, мол, будут первые местные за неделю, кто сумеет рассказать, что творится у них на родине.

– Далёкие зеваки тут же повылезали в прямые эфиры: одни снимали, как патрульные истребители улетают и продолжают работу, другие как к кувейтскому самолёту со всех сторон, будто гиены на падаль, сбежались силовики, медики и сапёры.

– Вы тогда с мамой были в том аэропорту? – сонно переспросила Рита.

– Нет, – ответил дядя Лёша. – Мы дома сидели. Смотрели новости, прямые трансляции и попутно нянчили тебя…

– В общем, самолёт быстро окружили, подогнали трап, и вскоре дверь открылась. Изнутри сначала осторожно высунулись двое, подняли руки и на ломаном английском крикнули, что ни оружия, ни бомб, ни чего-то подобного у них нет, но на борту есть двое заражённых, их пристегнули и обмотали изолентой ради безопасности.

– У второго пилота сразу заметили окровавленное плечо и пропитанный кровью рукав. Силовики тут же уложили его на спину и проверили на оружие, медики на ранения, а сапёры занялись шасси. Там оказалось чисто.

«Пассажиры сидели с бледными, измотанными лицами и смотрели то на силовиков, то на заражённых, привязанных в хвосте салона. Медики поспешили их развязать, но стоило подойти ближе, как люди разом всполошились и закричали, что не надо, что он заражён, что его уже не спасти и нужно немедленно устранить.

Медсестра замялась, не зная, как поступить. А вот её старший коллега медлить не стал – сорвал с одного из заражённых изоленту и ткань, которой был заткнут рот. Тот, кто с первого взгляда казался бесчувственным, вдруг пришёл в себя. Доктор только приоткрыл ему рот, как в ту же секунду лишился большого пальца.

Тут уж в салоне поднялась настоящая паника. Пассажиры рванулись к выходу, но силовики остановили каждого, пригрозив оружием. Один мужчина всё же кинулся напролом, и тут же получил в спину разряд шокера. Его скрутило, и он рухнул на пол.

Через десять минут всех пассажиров по одному вывели наружу, проверяя каждого на оружие и взрывчатку. Сам салон тоже оказался чист, если не считать луж крови и того мерзкого запаха: мертвячего, гнойного, с какой-то серной примесью.»

– Эту версию потом и пересказывала прессе та самая медсестричка. На прямых эфирах, правда, видно было не так много: сапёры выходили из самолёта, молча кивали, а двух заражённых с трудом удерживали сразу четверо крепких работников. Их закрепили на носилках и унесли куда-то внутрь. А врач, оставшийся без пальца, наскоро обработал рану и, уже пошатываясь и обливаясь потом, сам ушёл следом.

– Пассажиров провожали в комнаты для допросов через живой коридор журналистов. Люди кричали каждому микрофону, что успевали, и общая картина складывалась совсем неутешительная. Среди гражданских оказались и военнослужащие, бежавшие с передовой. Они рассказывали, какие приказы спускали сверху и какие слухи ходили по ротам.

– Говорили о какой-то чуме, которая ускоряла мутацию. Будто её выпустило из секретной иранской лаборатории после бомбёжки небольших складов. Концентрированные вирус-

ные пары якобы почти мгновенно вызывали иммунодефицит и стремительное гниение тканей. Ветром эту дрянь донесло до города, куда как раз пришли экоактивисты. А потом, оседая, она смешивалась с воздухом, пылью, влагой и теряла силу – потому дальше Ближнего Востока, как тогда думали, не ушла.

В короткой паузе Алексей перевёл дыхание. От детей уже доносилось тихое, сонное сопение. Рассказывать всё без остановки было нелегко, особенно детям – тем, для кого приходилось смягчать подробности, упрощать смысл и многое оставлять за скобками.

Ночь вокруг стояла такая тихая, что любой звук в доме слышался особенно ясно. И потому с первого этажа, со стороны обвалившейся лестницы, отчётливо донеслось, как кто-то наступил на черепицу и под ржавым сапогом та с хрустом разошлась.

Алексей тут же притих. Прижавшись к стене и сжав в руке керамический нож, он затаил дыхание.

– Я и так слышу, как ты дышишь, – раздался снизу мужской голос. – И вижу: через щель в крыше тебе прямо на стопу падает лунный свет.

– Артём, ты? – спросил Лёша в темноту.

– А кто ж ещё с патруля возвращается? – отозвался тот вопросом на вопрос.

– Ты бы хоть пискнул, пока поднимался, – недовольно бросил Лёша, не выпуская ножа и отходя чуть в сторону от просвета.

В проход из темноты осторожно вытянулась рука.

Лёша метнулся к ней сразу, без раздумий, и отсечённая кисть с мокрым шлепком упала на половицы.

– Да не бывает столько мутировавших одного вида! – вспылил Артём, поднимая руки. – Хватит уже встречать меня так каждый раз!

– Осторожность лишней не бывает… – тихо сказал Лёша в своё оправдание, а потом, уже почти шёпотом, добавил: – Извини.

Глава 1. Проекция

– Артурчик, у тебя феноменальная память. Записывай всё, каждый день, – прозвучал нежный женский голос.

Вечернюю комнату наполнял мягкий свет свечи. В углу стоял рабочий стол, и именно за ним я тогда сидел. Девушка, секунду назад обнявшая меня со спины, была всего лишь проекцией моих воспоминаний – София.

Порой казалось, что такой девушки в моей жизни никогда и не было. Но стоило услышать её голос, и возвращалось чувство близкого знакомства. На болезненных воспоминаниях о ней лежал какой-то ментальный блок. Всякий раз, когда я пытался понять, кем она была на самом деле, голову пронзала такая боль, что иногда едва не терял сознание.

– Не забуду… – ответил я своим мыслям.

Я поудобнее перехватил потрёпанный временем карандаш и начал записывать воспоминания. Мне казалось, что, если я сумею перенести их на бумагу, то однажды всё-таки доберусь до того места, где этот проклятый блок не даёт мне пройти дальше.

София часто появлялась, когда я оставался один. А в последний год я оставался один почти всегда, так что она будто и вовсе не уходила. То играла своими светлыми волосами, то с лукавой улыбкой спрашивала, нравятся ли мне её голубые глаза – те самые глаза, которые мне когда-то так нравились.

Я записывал на бумаге:

«Вернувшись спустя два года на родину и сделав операцию на зрение, я жил как по кругу: работа, готовка, сон – и снова всё сначала. Только через полгода офтальмолог из частной клиники разрешил мне тренировки и мои любимые долгие посиделки за компьютером.

Большую часть подростковых лет я провёл именно в интернете. Конечно, мы и вживую часто гуляли с друзьями, знакомились, веселились, но именно интернет когда-то свёл меня со многими из них… Впрочем, сейчас не об этом.

В один из апрельских дней, возвращаясь от врача домой за спортивной формой, я думал о том, как хочется вернуть себе прежний вид: подтянуть мышцы, убрать расплывшийся живот и бока. Аполлоном меня трудно было назвать даже в лучшие времена, но какая-никакая форма у меня всё же была.

И тут через дорогу мне бросились в глаза знакомые лица. Яна и её парень Лёша – хотя уже через пару минут выяснилось, что никакой он не парень, а муж. В начале двадцатых у меня не было сомнений, что и двух лет они не продержатся вместе. А тут, к моему удивлению, они стояли у родильного отделения: с цветами, с ребёнком на руках. До меня быстро дошло, что к чему. Я перебежал дорогу, едва не угодив под машину, и поздравил их.

Полномасштабное начало, кажется, пришлось на пятое или восьмое апреля. Так, во всяком случае, рассказывал старик – полковник в отставке, который повстречался мне после эвакуации, в начале мая. Он был искренне удивлён, что я, молодой остолоп, этого не знал. Все новости, все эфиры, все соцсети тогда захлебнулись в сводках, догадках и панических предположениях. Именно их я успешно не заметил.

20 апреля 2027

День, по которому потом ещё долго скучал, начался с того, что у меня вышел из строя компьютер. Когда был разобран системный блок, обнаружилась странная вещь: новая видеокарта, установленная всего три месяца назад, в месте подключения уже покрылась тонким слоем ржавчины. А внутри, если к ней прислушаться, будто что-то тихо и неприятно поскрипывало.

Это показалось совсем ненормальным. Уже собирался искать замену, но тут выяснилось, что сеть тоже не работает. Интернет не грузился вовсе.

Расстроившись и махнув на всё рукой, я меньше чем за пять минут переоделся и собрался в зал. По дороге ждал ещё один сюрприз: таких пробок давно не доводилось видеть. Почти на каждом перекрёстке случились аварии, и чаще всего сталкивались машины с умным автопилотом.

Через час тренировки телевизоры, до этого крутившие музыку и рекламу, вдруг один за другим выдали ошибку сети. День и без того был странный, а к вечеру становился только страннее.

«Золотой спортзал» располагался на втором этаже здания. К нему вела винтовая лестница, а со стороны парковки тянулись большие панорамные окна. Именно у них я тогда и сидел, переводя дыхание после подхода.

Вдруг стоявший рядом мужик начал громко возмущаться и что-то кричать за стекло. Я посмотрел туда же. Какой-то бомжеватый человек тёрся о дорогую иномарку…

Мужик пулей вылетел на улицу и, спускаясь по лестнице, продолжал орать что-то злое и бессвязное. Но бродяга не испугался и даже не подумал отступать. Наоборот – выпрямился и вдруг рванул навстречу качку.

Всё произошло так быстро, что я сперва даже не понял, что вижу. Бомж вцепился зубами ему в мясистое плечо и словно с удовольствием вырвал кусок трапециевидной мышцы. Кровь брызнула во все стороны. Меня едва не стошнило.

Оба рухнули на землю. Качок в ужасе оттолкнул нападавшего и схватился за изуродованное плечо. Но тот и не думал отступать: выплюнул вырванное мясо, тут же метнулся ниже и вцепился зубами в ногу.

Тогда мужчина изо всех сил ударил его ногой в голову. Удар пришёлся в затылок. Голова у бродяги дёрнулась, безвольно повисла, и он наконец перестал двигаться.

Вокруг сразу поднялась суматоха. Люди заметались, закричали, кто-то бросился вниз, кто-то уже звонил в скорую. А мне от одного этого зрелища стало так дурно, что я едва добежал до уборной, пока остальные пытались помочь пострадавшему.»

– К тебе тут подруга пришла… – прошептала Соня, нежно прижимаясь ко мне и обдавая ухо тёплым дыханием.

Всё чаще меня посещала мысль, что это ненормально. Что-то во мне давно пошло не так. Будто мозг мой перегрелся, поплыл и теперь упрямо дорисовывает к реальности то, чего в ней быть не должно.

Я повернулся к Соне, и увидел за её спиной вторую. Ника. Её я помнил хорошо. Воспоминания о ней не были запечатаны той чудовищной болью, что вставала всякий раз, когда я пытался добраться до Софии. Ника не скрывалась за глухими заслонами памяти. Она была моей первой любовью – той самой, подростковой, мгновенной, беспомощной. Но я тогда оказался не единственным, кто смотрел на неё так, и в конце концов уступил её Саше, своему другу.

– Развлекаетесь? – спросила Ника с таким удивлением, будто застала нас за чем-то похабным.

В следующий миг она уже стояла у стола. Мгновенно переместилась.

– Новую историю пишешь? Похвально. Будущим поколениям полезно будет узнать, с чего всё началось. Эпос завоеваний Артура. Или, вернее, хроника того, как всё покатилось к чертям. От такого вся любовь в мире потечёт..

– Хватит, – отрезала Софья. – Уходи и не мешай ему. Не видишь, как он старается ради меня? Снова пишет, снова старается...

Я сжал висок, силясь прорваться туда, где память снова ставила мне стену. И тут же в голову ввинтилась такая боль, что мир на мгновение потемнел. Когда я снова смог открыть глаза, ни Сони, ни Ники уже не было. В блаженной тишине я снова смог вспомнить, на чём остановился, и продолжить писанину.

«Избавившись от лишнего в животе, я вернулся в главный зал. Смотреть на кровь было тошно, но от этого не менее интересно. Несколько человек, подняв телефоны к небу, всё ещё пытались поймать связь. Кто-то уже смирился с её отсутствием и помогал перевязывать качку раны. К тому моменту он успел потерять сознание.

Упитанный мужчина в трениках вытащил из кармана ключи. Пострадавшего собирались посадить в машину и самим везти в больницу. Я уже почти решил, что на этом всё и закончится, и отошёл от окна, вернувшись к тренировке. Но стоило мне только сесть на скамью, как послышалось ошарашенное матерное бормотание тренера.

«Они ах...ли?» После этих слов я тут же поставил гантели и снова подошёл к окну. Перевязанный качок с полуприкрытыми глазами вдруг набросился на мужика в трениках. Его сразу попытались скрутить, оттащить, удержать, но он силой вывернулся и кинулся уже на другого.

Зрелище было страшное. От одного его вида рвотный рефлекс снова подступил к горлу.

На лестницу вышел ещё один тренер. Он что-то крикнул вниз и уже собирался спуститься, но тут заметил, что мужик в трениках и тот самый бродяга поднимаются обратно – с залитыми кровью глазами. Не знаю, что почувствовал сам тренер, а меня в тот миг пронзил самый настоящий животный страх.

Лица его я не видел, но, судя по тому, как он тут же попятился от бегущих вверх мужиков, испугался он не меньше моего. Он метнулся назад, вернулся к двери и всем телом навалился на неё.

Самое жуткое было даже не это. Они не хватались за ручку, не пытались открыть дверь по-человечески. Просто колотили в неё и ломились напролом, – как дети, увидевшие родителей за стеклом, но ещё не понимающие, как работает ручка. В конце концов они просто выламывали её.

Запоздало появившемуся администратору тренер успел крикнуть, чтобы тот запер вторую дверь на ключ. Немного придя в себя, оба начали грозить полицией, тыкать в телефоны и ругаться. Но без связи толку от этого было немного, и очень скоро они уже спорили друг с другом, не зная, что делать дальше.

А мне к тому моменту стало по-настоящему страшно. И оставаться там больше совсем не хотелось.

Я быстро переоделся и сразу направился ко второму выходу. Его лестница вела на противоположную сторону здания. Внизу был небольшой спортивный магазинчик, где продавались батончики, вода и всякие пищевые добавки.

Дома в холодильнике у меня, как назло, почти ничего не осталось: ни мяса, ни яиц, ни даже колбасы. Так что я наспех закупился десятками батончиков и уже собирался идти дальше, как вдруг завыла сирена.

Это был такой звук, что паники в нём оказалось больше, чем в самой чуме. Он тяжело прокатился по городу, вдавился в стены, в окна, в грудную клетку, а следом раздалось предупреждение: химическая угроза, искусственный вирус, по симптомам напоминающий бешенство.

Всем приказали немедленно укрыться до особого распоряжения. Потом начали перечислять симптомы, но голос в динамиках вдруг стал искажаться, ломаться, будто его кто-то душил на полуслове. И в какой-то момент даже сама сирена сорвалась на одно сплошное пищание, а потом полностью смолкла.

Парень за прилавком уже стоял у двери и дрожащими руками перебирал ключи, собираясь запереться. На миг мне показалось, что разумнее всего будет вернуться наверх и пересидеть в зале. Он заметил меня и жестом попытался прогнать, но дверь так и не закрыл. Тогда я просто оттолкнул его в сторону и вошёл.

Спорить он не стал. Только запер дверь, а потом сразу рванул наверх – проверить, что там со вторым выходом. Так я остался на самообслуживание: прилавок, куча воды, батончики и камеры, уставившиеся прямо на меня.

Но камеры меня уже не остановили. Я достал из кошелька последние наличные, помахал ими в объектив и взял себе три двухлитровые бутылки воды и ещё дюжину батончиков.

Потом уселся в мягкое кресло под камерой. Что делать дальше, сложно было сказать. Сирена велела оставаться в безопасном месте, что-то говорила про эту болезнь, про её агрессивность… Но, если честно, не увидь всё своими глазами, ни за что бы не поверил.

Сверху началась суета. Кто-то паниковал, кто-то кричал, кто-то грохотал без толку. Доедая батончик, я поднялся наверх и сразу увидел: стеклянная дверь уже выбита, а пол залит кровью и усеян мелкими кусками плоти. От этого зрелища едва не вывернуло на месте.

Дальше пришлось идти тише, осторожно заглядывая за каждый угол. Из раздевалок доносились крики, но соваться туда не хотелось. В коридоре лежал тот самый парень с первого этажа, весь окровавленный, а рядом валялась связка ключей, с которой он до этого убежал.

К тому моменту уже стало ясно: с дырами в животе и рваными ранами по всему телу люди не живут.

Пересилив себя, я подошёл ближе. И тут из-за угла донеслись глухие удары. Перешагнув через тело, осторожно выглянул одним глазом.

Трое каких-то бродяг колотились в стеклянную дверь, ведущую в главный зал. А по ту сторону, в ловушке, жались к дальней стене качки, тренеры и ещё несколько человек.

От подступившей паники потемнело в глазах. В этот же миг за спиной раздался шорох. Медленно повернувшись, заметил, как лежавшее тело начинает приходить в себя.

Дальше я действовал не задумываясь. Перепрыгнув через него, на ходу схватил ключи и рванул обратно на первый этаж. Только там, убедившись, что погони нет, начал лихорадочно перебирать один ключ за другим, пока нужный наконец не подошёл.

Потом едва не забыл сумку. Пришлось вернуться к диванчику, подхватить её и в последний раз оглянуться на прилавок. Тогда и мелькнула мысль, что лучше уж немного повандалить, чем потом сдохнуть от голода. Новая коробка батончиков тут же полетела в сумку почти целиком. Пару штук пришлось уронить, но возиться с ними уже не стал.

Из магазина удалось выскочить бегом. Общественный транспорт, ясное дело, уже не ходил. До дома было минут двадцать пешком, но три бутылки воды в сумке быстро превратили бег в мучение: на каждом шаге они тяжело били по боку. По пути были безуспешные попытки остановить хотя бы одну проезжающую машину, но пятеро водителей просто проигнорировали меня.

Дорога по обе стороны аллеи быстро заполнилась длинной цепью брошенных машин. Многие, услышав сирену, бросали автомобили прямо посреди улицы, поняв, что пробка уже не рассосётся. Через пару минут мне пришлось перейти на шаг. До этого на аллее не встретилось ни души, и тишина даже начала казаться спасительной. Но стоило мне остановиться, как через дорогу, из тёмного переулка, начали выходить люди.

Они замерли. Несколько секунд мы переглядывались. Потом фигуры чуть заметно зашатались и разом побежали навстречу.

Тут уж пришлось по-настоящему рвануть домой. Оторвавшись от них и задыхаясь, я нырнул в узкий туннельный переулок между зданиями. Но с другой стороны тут же послышался шорох, и невольно вспомнилась старая мудрость: мысли материальны.

«Это всего лишь крысы. Крысы, и всё…», – бормотал я себе под нос.

Но стоило приблизиться к выходу из переулка, как навстречу мне выступил силуэт. Изо рта у него что-то капало.

– Да ёбн, почему не крыса?! – выругался я на ходу.

Фигура, прихрамывая, медленно двинулась ко мне. Я тут же попятился назад и, увидев в дальнем конце переулка своих прежних преследователей, задыхаясь, поспешил к другому въезду во двор. А когда дыхание чуть выровнялось, снова сорвался на бег – от приближающейся толпы.

Домофон в подъезде не работал. Сквозь краску железной двери уже проступала ржавчина, так что выглядела она так, будто состарилась на несколько десятков лет за один день. Магнитный замок её больше не держал, и внутрь я попал без труда.

Ввалившись в подъезд, попытался отдышаться и стал ждать лифт. Полминуты стоял, уперев руки в колени, пока вдруг не заметил, что кнопка не светится. Даже пощёлкал выключателем над счетчиком, без толку. Света не было совсем.

Подниматься на свой четвёртый этаж с такой одышкой и ноющей болью в ногах показалось мне отдельным кругом ада.

За пять минут я осилил только один этаж. И тут из распахнутого межлестничного окна донеслись звуки с улицы и эхо пронеслось снизу. Те самые фанаты не переставали меня преследовать. Но, слава всему на свете, они не пытались открыть дверь в подъезд, просто колотились в неё снаружи.

С верхних этажей послышались медленные шаги.

Прикрыв первую дверь предбанника, судорожно полез по карманам в поисках ключа. В голове тут же замелькали картины, как он выскользнул где-то по дороге, во время бега. От этой мысли паника только усилилась, и проверка по карманам возобновилась по третьему кругу.

Вспомнил всех богов сразу, из всех религий, и мысленно благодарил каждого, когда ключ всё-таки нашёлся. Правда, радовался я рано.

Шаги сверху стали слышны отчётливее. А ключ, как назло, не подходил. В тёмном предбаннике замочную скважину почти не было видно, руки дрожали, и я раз за разом тыкался мимо. Один-единственный ключ с брелоком всё никак не хотел входить.

Я заставил себя успокоиться, чуть приоткрыл дверь, впуская в предбанник полоску света, и наконец разглядел, в чём дело: зубцы ключа успели покрыться ржавчиной. От злости мне захотелось швырнуть связку куда подальше.

Ногтем торопливо соскребал рыжий налёт, стараясь хоть немного привести металл в порядок. Со второй попытки, навалившись всем весом, всё-таки сумел вогнать ключ в замок.»

День 1.

На этом первую запись пришлось оборвать. На улице раздался рёв – такой, на который быстро сбегутся многие.

Глава 2. Ржавеющий мир

21 апреля 2027

«Больной в доме всё ещё бродил по этажам. Тонкие стены в ночной тишине хорошо передавали его странные, болезненные рыгания. Подорвавшись среди ночи с постели, я первым делом проверил дверь и глазок. Конечно, в темноте через него почти ничего не было видно, но, прислонившись ухом к двери и прислушавшись, я понял, что он шатается где-то на нижних этажах. Последующий сон остался тяжелым.

Утром, когда с улицы донёсся рёв мотора, я тут же выбежал на балкон – проверить, не пытается ли правительство хоть как-то взять ситуацию под контроль. Как же сильно я ошибался.

Уже удачей было то, что толпа больных у подъезда отвлеклась на проезжавшего мимо байкера. На этот же рёв откликнулся и сосед – заядлый алконавт с отёком вместо лица. Для меня давно стало привычкой держать закрытыми окна во второй комнате: сосед постоянно выходил курить на балкон, и в ветреную погоду всё его никотиновое облако тянуло ко мне в квартиру.

Со звуками было не лучше. Его мерзкие утренние отхаркивания были слышны чуть ли не с первого этажа, а тем, кому не везло идти под его окнами, иной раз доставалось и что похуже.

Но в этот раз окна оставил открытыми, чтобы точно услышать если что-то случится.

Сосед, обнаружив, что света нет, вышел покурить и сразу начал громко возмущаться. Матерные тирады сыпались на всех подряд, но особенно, на правительство, за такие-то цены на коммунальные услуги. По-хорошему стоило его предупредить. Только этот идиот никогда никого не слушал. Особенно после той ночи, когда в два часа я вызвал на него наряд за дебош и пьяную драку. С тех пор он затаил на меня особую злобу. Хорошо ещё, что мозги он не пропил до такой степени, чтобы поджечь мне дверь или нагадить под неё.

Потом сквозняком хлопнула его дверь – так, будто по этажам разорвалась петарда. Я снова прижался к глазку и увидел, что сосед вышел в трениках, с пустым пакетом и кошельком в руке. По-человечески его следовало окликнуть. Предупредить. Но то ли не захотелось, то ли просто не хватило мгновения на реакцию. Он закрыл за собой дверь предбанника.

Секунд через двадцать снизу донёсся его крик:

– Бабка, не подходи ко мне! Я же уже извинился за тот случай! Не подходи ближе!

А потом раздались болезненные всхлипы, которые могли означать только одно: либо соседу пришёл конец, либо он пополнил ряды заражённых.

Мне всё ещё с трудом верилось в способы передачи этой заразы. Мой инженерный диплом мало чем мог помочь в таких вопросах, но даже тех обрывков знаний, что у меня были, вместе с паникой хватало, чтобы не рисковать лишний раз.

Поэтому набрал воду в ванну и во все кастрюли, какие нашлись в квартире, – на случай, если вода в трубах вскоре станет непригодной или уже заражена. Купленных бутылок хватит на дней пять, так что к этой воде решил пока не притрагиваться. В любимой игре про выживание на острове разработчики, кажется, старались придерживаться хоть какой-то реалистичности.

Наиграно в неё было больше пятисот часов, вся сюжетная линия давно пройдена, и в целом тамошние механики неплохо отложились в памяти.

Вода, простоявшая всего час, уже начинала понемногу отдавать неприятным запахом. Не знаю, насколько это вообще правдиво, но в той игре герои бросали в воду серебро. Положившись на добросовестность разработчиков, я опустил на дно казана свою любимую серебряную цепочку – подарок отца, вручённый мне за неделю до его смерти. Следом отправилось кольцо, тоже подарок, только уже от Ники. И во вторую кастрюлю кулон с оторванной вставкой...

От этого мне стало одновременно тошно и тяжело. Накатила забытая паническая атака – от таких я лечился почти год. Воспоминания полезли одно за другим, а вместе с ними – мысли о том, как стоило поступить, что можно было сделать иначе и как я поведу себя, если подобное повторится.

Делать в доме было больше нечего. Инвентаризация по шкафчикам быстро показала, что еды у меня слишком мало. Пришлось растягивать запасы и каждые два часа съедать по одному батончику. Я хватался за любые занятия, лишь бы отвлечься и успокоиться.»

– Артур, а мне ты строчки выделить не хочешь? Снова меня обижаешь. Вчера прогнал вместе с Никой, а теперь пишешь только о ней. Хочешь, чтобы я опять начала тебя игнорировать? – обиженно проговорила Соня, присев на край стола и закинув ногу на ногу.

– Строчку? – переспросил я. – Тогда скажи на милость моей памяти: что было такого, о чём я забыл?

Она тут же нависла надо мной, щекоча лицо своими волосами.

– Ясно... Кулон. Просто держу тебя в курсе, – грустно прошептала Соня.

Соскользнув со стола, она зашла мне за спину, и не успел я обернуться, как её обиженный силуэт растаял в воздухе.

«Насчет кулона. Кулон. Кулон... На нем была оторвана вставка, там точно был не крестик, что же там было такого?..

В девятиэтажном доме, если не считать мою квартиру и соседскую, оставалось ещё тридцать четыре. На девятом этаже две пустовали, на восьмом была свободна одна. На седьмом жил почти девяностолетний старик, который едва передвигался. На третьем, втором и первом жило по одной старушке-кошатнице.

Сосед перед смертью что-то кричал про извинения, так что теоретически к списку могла добавиться ещё одна освободившаяся квартира. А вскоре за дверью послышался женский, старческий крик. Ещё одна.

Если подводить хладнокровный итог, выходило шесть квартир с потенциальным провиантом. И это осознание никак не оставляло меня в покое.

«А что, если я не один такой умный? Не один такой голодный? Что, если за еду ещё придётся драться?..», – Я ходил по комнате кругами и вслух повторял свои опасения, будто от этого они могли стать менее реальными.

Подойдя к двери, я снова всмотрелся в тёмный предбанник. Разглядеть там что-либо было невозможно, а выходить к нему казалось слишком опасным. Ключа от предбанника не было ни у меня, ни у соседа, поэтому он всегда стоял открытым. По сути, сейчас нас с тем, что бродило снаружи, отделяла всего одна дверь. И та не внушала особого доверия: тяжёлая, перекошенная, на старых петлях, она в любой момент могла сама приоткрыться.

Перекусив, притащил к входу стул и уселся прямо у двери. Медленно тянулись нервные минуты, и в какой-то момент они всё-таки во что-то вылились. Послышался глухой деревянный грохот, будто кто-то уронил шкаф или стол. Я приложил ухо к двери. Шаги по ту сторону были очень тихими и далёкими.

Ключ снова не хотел попадать в замочную скважину. Разозлившись, выскочил с ним на балкон, к свету. И только там увидел, что его зубцы почти полностью покрылись ржавчиной,

такой, будто ключ пролежал в сырости не один десяток лет. Казалось, ещё немного, и он просто раскрошится у меня в руках, а я навсегда останусь заперт внутри.

После этого стал смотреть уже на всё металлическое в квартире. В другой комнате системный блок компьютера, стоявший на столе, тоже пошёл ржавчиной по краям. От этого пробрало по-настоящему. Я даже касался её через тряпку: вдруг она образуется из-за вируса и именно так он передаётся? Когда осторожно надавил большим пальцем на край корпуса, металл осыпался мелкой рыжей пылью.

С батареями было неясно: то ли между секциями скопилась многолетняя грязь, которую я никогда не чистил, то ли это тоже была ржавчина. Лезвия металлических ножей покрылись тонким налётом, а вот керамическим хоть бы что: ни трещин, ни сколов, будто ничего и не происходило. Петли шкафчиков тоже начали рыжеть и скрипели сильнее обычного.

Я вытащил из-под кровати телефон. Даже в режиме суперэкономии экран светил еле-еле, а заряд почему-то умирал на глазах. Будто это был не прошлогодний смартфон, а древняя развалина, забытая на морозе. Раньше такого за ним не водилось. Проценты таяли один за другим.

Ни свечей, ни спичек, ни зажигалки у меня не оказалось. Фонарика тоже не было. Электрической плите огонь был не нужен, а когда я бросал курить, выбросил всё, что могло бы сейчас пригодиться.

Вернувшись к входной двери, быстро включил фонарик на телефоне, пока тот ещё не успел окончательно сесть. Углы двери и рамы уже покрывались ржавчиной, проступавшей сквозь краску. Сама замочная скважина на вид ещё держалась, а вот ручка выглядела куда хуже. Попытавшись подсветить замок телефоном, всё-таки сумел вставить ключ, но дальше дело не пошло: проворачиваться он отказывался наотрез. Стоило приложить чуть больше силы, и половина ключа осталась у меня в руке.

Бормоча себе под нос проклятия, вытащил из шкафа у двери инструментальную сумку. Пришлось тащить её на балкон: телефон окончательно сел, а в темноте подбирать нужную отвёртку на ощупь было бы сущим мучением. Жало прямой отвёртки лишь слегка покрылось рыжим налётом. Я даже на всякий случай упёр её в стену и надавил. Металл не рассыпался.

В тёмном коридоре, работая почти вслепую, я только глубже затолкал в замочную скважину остаток рассыпающегося ключа. После этого устало опустился на стул перед дверью и, уперев руки в колени, несколько секунд просто сидел, переводя дыхание.

Потом снова взялся за дело.

Осторожно, стараясь не шуметь, я дёргал ручку, тянул дверь на себя, пробовал поддеть замок отвёрткой. Но всякий раз, когда раздавался слишком громкий, неприятный скрип, приходилось замирать: меньше всего мне хотелось, чтобы на звук сюда снова потянулись эти фанаты с этажей.

Во время одной из попыток мне на голову вдруг что-то посыпалось. Я провёл ладонью по волосам и нащупал маленький крошащийся кусочек рыжей корки.

Тогда я начал ощупывать края двери пальцами и сразу понял по шершавой, цепляющейся поверхности, что металл там прогнил уже очень сильно. Похоже, если что, такая дверь долго никого не удержит.

Пришлось действовать грубее. Ковыряя отвёрткой возле замка, в конце концов сумел вскрыть его почти как консервную банку. Удерживая металл отвёрткой и помогая себе пальцами, продолжал выламывать внутренности, пока наконец не вытащил замок целиком.

На шорохи и скрипы начали стягиваться больные. Их шаги доносились с разной частотой и с разных этажей, каждый будто до этого бродил сам по себе, а теперь, кажется, я умудрился собрать их всех в одном месте. Замерев у соседской двери, успел только мысленно помолиться, чтобы в тот раз он, как обычно, не запер её перед походом в магазин.

За спиной шаги резко участились. В дверь предбанника что-то глухо ударило. Потом ещё раз. И ещё. От страха слишком резко рванул соседскую ручку, и она осталась у меня в руке. Дверь со скрипом поддалась. Я тут же юркнул внутрь и захлопнулся.

В глазке никого не было видно. Только двойные удары в дверь да чьё-то слабое, сиплое сопение по ту сторону.

Квартира насквозь провоняла сигаретами. Резиновые тапки липли к ламинату при каждом шаге. Просто идти по ней было противно; трудно было даже представить, что в таком месте кому-то вообще может быть нормально жить.

Квартира была двухкомнатной, с крошечной кухней и совмещённым санузлом. Холодильник без дверцы давно не работал и стоял пустой. На кухонных полках мне удалось найти только две пачки солёных семечек, пять говяжьих доширакoв и два куриных. Повсюду сновали тараканы, где-то ползали муравьи, а в раковине громоздилась гора немытой посуды.

В санузле воняло ещё хуже. В ванне тоже была навалена посуда, будто её туда просто сгребали неделями. Одна из комнат оказалась заперта, и это сразу показалось мне странным: за дверью было тихо, ни шороха, ни звука. Во вторую дверь и вовсе не поставили.

Там всё было завалено пустыми пачками от доширака, сложенными стопками у кровати, и рядами бутылок из-под пива и водки. В дверь предбанника уже стучали каким-то тройным ритмом, и это пугало сильнее, чем сами удары. Мне всё настойчивее казалось, что надо возвращаться к себе и дальше сидеть там, хотя бы неделю пересидеть, пока снаружи не станет потише.

Но оставалась ещё закрытая комната.

Открыть её силой не получалось. После двух ударов ногой у меня уже ныли все мышцы, а у двери только потрескались рама и стекло. Пришлось искать, чем бы её добить. Настольная лампа показалась достаточно тяжёлой даже для этого старья. Ею я осторожно выбил осколки по краям, чтобы не порезаться, потом просунул руку внутрь, нащупал замок с той стороны и всё-таки открыл дверь.

Переступил осколки стекла. Комната встретила меня пылью, старым шкафом во всю стену и диваном напротив. Воздух здесь был совсем другой, не пьяный, не прокуренный, а затхлый, старческий, будто время годами стояло на месте. Ни бутылок, ни мусора.

За стеклянными дверцами винтажного шкафа стояли сервизы и фоторамки с улыбающейся семьёй. На стенах висели портреты. На верхних полках лежали медали и грамоты за победы и хорошие результаты в хоккее, все выданные клубом «Серебряная шайба». А у дивана, прислонённые к стене, стояли клюшки.

Я присмотрелся к выцветшим фотографиям, и до меня дошло. На грамотах, на медалях, на снимках было одно и то же имя. Если представить соседа без отёков, моложе, с живым лицом, то это был он. И тогда мне вдруг стало по-настоящему интересно, как человек мог дойти до такой жизни – из профессионального хоккеиста в это липкое, вонючее существование. Но спрашивать было уже не у кого.

На самых нижних полках стояли два портрета: тучной женщины и сурового мужчины лет пятидесяти. Рядом, возле блюдца и поминальных свечей, у портрета мужчины оставалась пустая рюмка и неоткрытая бутылка виски – с этикеткой из нулевых.

– Простите, что называл вашего сына мусором. Простите за моё незнание... и за то, что собираюсь забрать ваше подношение и его клюшки. Вам это уже не понадобится, – извинился я перед портретами, будто бы ради очищения кармы.

В карму я, конечно, не верил. Но если она всё-таки существовала, хотелось думать, что мне это зачтётся.

Дверцы шкафчика открываться не желали наотрез. Петли так вросли в дерево, будто приржавели к нему намертво. Стоило приложить чуть больше силы, и снова остался с дверцей в руке. То с ручкой, то с дверцей. Если карма и правда есть, то, похоже, именно сейчас она

решила на мне отыграться, и через минуту дверь предбанника от какого-нибудь сквозняка просто откроется сама.

Хоккейные клюшки даже спустя десятилетия оставались на удивление крепкими, ими вполне можно было держать кого угодно на расстоянии. Собрал всё, что показалось ценным: доширак, семечки, недопитую минералку, виски, хоккейную маску и все пять клюшек.

Всё это добро лежало у меня в ногах, пока сам, затаив дыхание, прислушивался к двери. Двойные удары разной силы намекали, что снаружи теперь двое больных, а третий, видимо, куда-то исчез.

Дёрнул ручку. Дверь не открылась. Почему? Да потому что внутрь-то влетел с ручкой с другой стороны. Одна без другой не работала, а открыть такую дверь без ручки можно было только ключом. Которого, разумеется, у меня не было.

Простучав края двери, я быстро понял, что она куда надёжнее моей. Эта рама была обшита деревом, а металлические части только начинали покрываться ржавчиной. Меня прошиб холодный пот. Стены будто начали сжиматься, и новая волна паники тут же раздула все проблемы до чудовищных размеров. Мне совсем не хотелось застрять в этих вонючих стенах.

Я вернулся в комнату за коньками, раньше и подумать не мог, что они когда-нибудь могут пригодиться. Но стоило мне почувствовать на ноге что-то сырое, а потом будто бы и вовсе ползущее по коже, как я запаниковал ещё сильнее.

Тогда я принялся со всей силы бить между рамой и замком, пока дерево не начало трещать и сыпаться щепками. В какой-то момент ручка отвалилась вместе с искривлённым металлическим листом, и дверь, едва держась на петлях, наконец распахнулась.

В предбаннике в ту же секунду забились ещё яростнее, и мне показалось, что теперь уже и та дверь вот-вот сорвётся с петель. Я сгрёб всё, что успел набрать: клюшки, еду, бутылки, коньки – и бросился обратно в свою квартиру, прикрывая за собой дверь, которая осталась совсем без замка.

Уже у себя лихорадочно огляделся, прикидывая, чем бы подпереть вход. Лучшим вариантом казался холодильник на кухне. Свалил всё добро подальше в коридор и принялся двигать его, тяжело переваливая с ножки на ножку. Минут за пять, в поту и панике, всё-таки удалось дотащить холодильник до двери.

Но оставалась одна проблема. Дверь открывалась внутрь, а замка больше не было. Если и правда поднимется сквозняк, она могла приоткрыться и впустить фанатов. Пришлось опрокинуть холодильник и упереть его в шкаф и стену, чтобы хоть как-то перекрыть проход. В пустоты натолкал стулья и книги. Только после этого, немного переведя дыхание, пошёл заедать стресс.»

День 2.

– Помогает терапия? – в один голос спросили Софья и Ника, едва я закрыл блокнот.

– Не уверен... – признался я. – Кулон... Это ведь был твой подарок? Я ведь не ошибся, Сонь?

Ника молча ходила по комнате, не вмешиваясь. Соня же стояла на месте, задумчиво глядя в пол.

– Если точнее... это был мой кулон, – тихо сказала она, будто нащупывая каждое слово. – На мой день рождения. Ты заказал его для меня...

Глава 3. Бордовый туман

Нынешние дни... **17 сентября 2029.**

Ночью Артуру не спалось. Он никак не мог переварить всё, что подняли в нём эти воспоминания. А вдобавок всплыли и другие – совсем из иного времени.

В мае прошлого года он впервые увидел проекции Ники, Софьи и своего друга Артёма. После полугодового скитания знакомые лица стали для него почти чудом. Радость ударила так

сильно, что он, не разбирая дороги, бросился к ним через кусты и деревья и едва не вылетел к обрыву карьера.

Артур остановился у самой пропасти и только смотрел на них. Потом силы будто разом ушли из тела: он рухнул на колени и, захлёбываясь рыданиями, стал выкрикивать один и тот же вопрос – почему. Почему всё так. Почему именно так.

А они летали над карьером и будто чего-то ждали.

Истерика быстро выжгла остатки сил. Когда он немного стих, все трое по очереди начали говорить; размышлять вслух о том, что произошло, почему это произошло и во что в итоге вылилось.

К тому времени Артур уже собрал немало сведений о болезни. За годы наблюдений, скитаний по разным группам и бесчисленных столкновений с тварями у него сложилось собственное, пусть и неполное, понимание происходящего.

Болезнь действовала не только на мёртвых, но и на живых. И не в виде обычного иммунодефицита или слабости, скорее наоборот. Иногда она давала организму странные преимущества. Артур даже допускал, что в отдельных случаях она могла подавлять раковые клетки, но убедительных доказательств у него не было.

У мертвяков болезнь, по его наблюдениям, меняла мышечные ткани так, что те начинали использовать ультрафиолет, будто получая из него подпитку. Благодаря этому гниение уже не шло своим естественным путём: заражённое тело словно брало его под контроль. Обычные мышцы давно бы сгнили и перестали работать, но болезнь, похоже, заранее «учла» и это.

Некоторые твари, вероятно, получали нечто вроде самовосстановления под солнцем – почти как растения, только в извращённой форме. Другие развивали более странные свойства: например, могли испускать радиоволны или какой-то схожий сигнал, собирая вокруг себя орды.

У живых всё работало иначе. Небольшие дозы заразы, переносимые воздушно-капельным путём, организм чаще всего выдерживал: человек мог переболеть чем-то вроде тяжёлого гриппа или простуды и выжить, иногда даже приобретая после этого какие-то новые, особенные черты.

Но если доза попадала в организм сразу и в большом объёме – через слюну, кровь или укус, – почти всегда это означало смерть. Даже после гибели тело продолжало источать заражение: от слабых до средних доз. И потому рядом с трупами можно было либо просто заболеть, либо, если не повезёт, получить гораздо больше, чем организм был способен вынести.

Почему об этом вспомнили только сейчас? Потому что они ему напомнили.

Артур до последнего не хотел в это верить, даже несмотря на то, что собственными глазами видел уже не одну приобретённую способность. В первой армейской группе, ещё до её краха, один военный на передовой заболел, а после выздоровления стал сильнее раза в полтора. На медосмотре выяснилось, что его мышечные ткани укрепились и обзавелись дополнительными волокнами и соединениями, будто сам предел его роста и физической силы стал выше.

В другой группе был похожий случай. После выздоровления один человек обрёл почти болезненную остроту слуха: его мозг научился быстрее улавливать, различать и обрабатывать множество частот, а ещё – выхватывать из общего шума отдельные звуки. Но даже это его не спасло. Зрение у него осталось слишком слабым, и одного слуха оказалось недостаточно, чтобы выжить.

Мы появились только из-за способности Артура.

Когда-то психотерапевт говорил о двух его состояниях, которые Артуру казались почти противоположными: руминации и постоянной осознанности. После курса лечения эти состояния отступили, но долгое одиночество и время непрерывной борьбы с мертвяками сделали своё дело. Оба состояния будто срослись во что-то новое, и мозг Артура изменился... Но как именно, Артур объяснить не мог: в нейронауке он не разбирался.

Одно из этих изменений дало ему постоянную осознанность, доведённую до опасного предела. Она ускоряла мысли, а иногда и тело, могла даже ненадолго усиливать его физически – через снятие барьеров мозга. Но последствия использования всегда были тяжёлыми: любое усиление оборачивалось перегрузкой, растяжениями, вывихами, а иногда и трещинами в костях. Ускорение реакции и работы сознания легко приводило к переутомлению, потере сознания и выжигало выносливость почти дочиста.

Вторая способность выглядела скорее как проклятие. Это были проекции воспоминаний. Именно так появились мы. Мы полностью повторяли манеру поведения, жесты, интонации – всё, что Артур когда-либо запомнил. А фундаментом для этого стала его новоприобретённая феноменальная память. Он помнил слишком много. Почти всё. Каждую ситуацию, место, слово, человека, отдельные диалоги и выражения лиц. Такое не проходит бесследно. Чтобы не довести его до самоуничтожения, память заперлась. Но образы никуда не исчезли. Они остались.

И даже сейчас Артур шёл вперёд, с рюкзаком наперевес, расчищая себе путь своей любимой алюминиевой битой. До города оставалось ещё много километров. Артур надеялся, что знакомые места помогут разобраться в том, что он помнил об уехавших с базы. Пока вместо лиц всплывал красный борт машины. Последние два дня ему пришлось задержаться в двухэтажном домике без лестницы: поблизости бродил мутировавший мертвяк, сочетавший силу бодибилдера со скоростью атлета. В последний год таких становилось всё больше.

Военная часть Галицы в Румынии когда-то была союзной точкой сбора для уцелевших гражданских, но там всё быстро развалилось. По неопытности или от страха местное военное управление приняло эгоистичное решение выгнать команду Артура – якобы за нарушение правил и прочие удобные формальности. Об этом Артур ещё обязательно напишет. Но про заборы на границе города он, скорее всего, промолчит. Убегая тогда от толпы, он увидел их лишь мельком, и даже теперь не смог бы толком пересказать увиденное.

Мы поможем ему, если понадобится. Передадим это Вике или Артёму. Сами же так и останемся в тени.

«Его при встрече звали Чистильщиком;
в глаза ему не смели заглянуть.
Из-под растрёпанных, упавших на лицо волос
он молча шёл вперёд,
знав лишь ему ведомый путь.»

Вытолкнув Вику вперёд, мы отправили её к Артуру. В этой небольшой своре, каких-то четыре десятка мертвяков – он уже уложил больше половины, и среди них с десяток бегунов. Бита у него была почти в хлам: её давно пора было выпрямлять и перематывать заново. Ко всему прочему воздух уже успел пропитаться трупной дрянью, которая легко могла дать осложнения. Артура нужно было срочно приводить в чувство.

– Скоро стемнеет, а ты с обеда ничего не ел. Тебе надо передохнуть… – сказала Вика, прижавшись грудью к его руке и явно рассчитывая продавить это своей миловидностью. – Ты слишком часто ускорял реакцию. А тебе ещё как-то от этих отрываться.

Артур вытащил из кармана рваный кусок мешковины и, вытерев лицо и руки, размазал по ткани капающую кровь. Потом остановился посреди дороги и оглянулся: трое мертвяков трусцой нагоняли быстрее остальных, а за ними тянулась ещё дюжина, медленная, но упрямая.

– Спасибо, Вик. Ты, как всегда, права, – ответил он, приседая и перехватывая биту удобнее. – Но сначала надо избавиться от быстрых. А те, что плетутся сзади, скоро потеряют след, если я наконец избавлюсь от этого вонючего запаха.

Первый, самый резвый, выглядел ещё почти нормально: руки целы, одежда не успела до конца истлеть. От силы месяц с момента превращения. С такими хуже всего – в них ещё

остаются обрывки рефлексов. Они могут уклониться. Могут сорваться с бега на шаг и снова рвануть.

Приготовившись, Артур размахнулся и мощным, бейсбольным ударом снёс мертвяку голову. После этой вспышки силы у него сразу задубели руки, особенно в предплечьях. Он скинул рюкзак, отступил на пару шагов и, сквозь стиснутые зубы, добил двоих остальных. Потом вернулся к рюкзаку. Но в ту же секунду голову повело, в глазах потемнело. Удержаться на ногах он не смог и тяжело опустился на одно колено.

– Они уже близко! И ускоряются, потому что ты замер! – сказала Вика, нависнув над ним.

Он поднял на неё мутный взгляд, тряхнул головой, пытаясь стряхнуть темноту, и через силу встал. Нужно было идти дальше. Нужно было вернуться.

До промежуточных Мерешен было ещё неблизко. К тому же приходилось сворачивать в сторону от леса, который до этого служил ему ориентиром. В прошлый раз именно из-за такого крюка Артур сбился с пути и долго ходил кругами.

Когда он поднялся на холм, перед ним открылся красивый, почти мирный вид: солнце опускалось за холмы, между холмами темнели какие-то здания. Сперва Артур даже решил, что снова сбился с маршрута и вышел к какому-то посёлку.

До темноты оставалось минут десять. Перед Артуром стоял одинокий сельский склад, а где-то вдали, за холмом, чернел единственный домик. Осмотр показал немногое: проржавевшая лестница, крыша из металлических листов, вся в дырах, да выбитые окна. Внутри, кроме пауков и слабого запаха тухлятины, ничего не было.

На заднем дворе стояло несколько деревянных бочек, изнутри обтянутых брезентом. Две ещё удерживали дождевую воду, остальные лежали перевёрнутыми, да к тому же были прохудившимися. Смыв с себя кровь и наскоро прополоскав одежду в одной из бочек, Артур хотя бы немного облегчил жизнь собственному обонянию.

Потом он выломал несколько досок из дырявых бочек, прихватил брезент и поднялся на второй этаж склада. Там, на деревянном настиле, из старого сена он устроил себе что-то вроде гнезда, чтобы можно было прилечь хоть немного мягче.

Подтащив наверх ржавую аварийную лестницу, которая начала обламываться от веса, Артур наконец смог позволить себе короткую передышку.

– После того как поешь, сразу спать? – спросила Вика, лёжа рядом с его импровизированной постелью.

– Думаю, не смогу уснуть, – ответил он, закусывая печёной в углях картошкой.

Артур долго жевал последний кусок картофелины и наконец устало откинул голову на скрученный рюкзак. Снаружи склад медленно остывал после дня, но внутри всё ещё держались тепло и затхлый запах пыли и прелого сена.

Вика лежала рядом, подперев голову рукой, и смотрела на него, зная, как упорно он ещё цепляется за явь. Она подозревала, что хэппи-энда не будет, как и мы, остальные. Надежда – мать дураков, но и Бог её любит – так мы убеждали Артура. Умрёт он, умрём и мы.

Картошки ему удалось набрать в одном из огородов в прошлом посёлке. Если бы не начинавшая собираться орда, можно было бы унести куда больше, а не только мешок подгнившей картошки да проросшего лука. Обугленная корка на клубнях была такой чёрной, что ею хоть картины на холсте рисуй. Вот только времени на такой отдых всё равно не было. На записи время найдётся всегда, даже сейчас.

22 апреля 2027 года

«Ночь я провёл в полудрёме, каждый раз прислушиваясь: не ходит ли кто-нибудь по квартире и продолжают ли стучаться в дверь. Ближе к рассвету – может, к шести утра, не уверен, настенных часов у меня нет, – стук наконец прекратился, и в доме воцарилась тишина.

Ухватившись за клюшку, я медленно поднялся с кровати и встал перед закрытой дверью в комнату. По ту сторону не доносилось чужеродных звуков. Осторожно приоткрывая дверь

клюшкой, я, с первыми лучами, всмотрелся вглубь коридора. Потом так же медленно высунул из-за угла клюшку, а следом выглянул сам, осматривая комнаты и проходы.

Чисто...

Завтракал батончиками и водой из кастрюли, в которой лежал кулон Сони. Оказалось, это и правда был подарок для неё. На обломанной вставке должен был быть парный значок с чёрным и белым дракончиками из старого мультфильма «Как приручить дракона». Этот кулон должен был достаться ей.

Наблюдая, как толпа больных переходит с одного конца двора в другой, я считал их почти машинально. Они вытаптывали цветы, врезались в машины, царапая их боками, а низкие ограды у детских площадок уже покосились, а кое-где и вовсе были выломаны.

Я следил за ними, как за колонной муравьёв. Каждый суетился по-своему: одни полубегом бросались к подъездным дверям, другие просто ломились в них без остановки.

На крыше одного из зданий виднелась группа из трёх человек. Казалось, их там зажали, потому что они всё время отходили куда-то вглубь крыши, а потом снова возвращались к краю.

И тут у меня всплыло воспоминание: как мы сами когда-то лазили по крышам, как один старик запер нас и вызвал полицию, а мы, бесстрашные юнцы, просто перепрыгнули на соседнюю крышу и вышли через другой подъезд. Расстояние между крышами тогда казалось пустяковым – всего в один мой взрослый, длинный шаг или три моих пацанячьих шага. Мы тогда даже не задумывались, что можем сорваться вниз с девятого этажа между домами.

Так и прикорнув на балконе, я проспал почти до обеда. Солнце уже пекло вовсю, и даже за окном стояла тяжёлая духота.

При дневном свете я наконец как следует разглядел дверь, подперетую холодильником. Всё её полотно было в выпуклых вмятинах, от долгих и яростных колотил. Сам холодильник слегка накренился вглубь коридора – его понемногу выпирало из-за дверных толчков.

Пол вокруг был густо усыпан ржавой стружкой. Уже и не понять было, сыпалась она с двери или с рамы, но одно стало ясно сразу: никакой настоящей безопасности здесь больше не осталось. Это была всего лишь коробка, и в тот момент я ясно понял: когда дверь всё-таки поддастся, выбраться из неё я уже не успею. Значит, надо было готовиться к срочному бегству.

Я вытащил две спортивные сумки и начал складывать в них всё необходимое. Разделил между ними воду и еду, сунул полотенца. Тёплая толстовка у меня была только одна, поэтому красно-синюю сумку я сделал запасной, а чёрную – основной. В неё же убрал и паспорт. Мало ли.

Так я и просидел до ночи, всё ещё чего-то ожидая. Всё оставалось спокойным.

День 3.

23 апреля 2027 года

Среди ночи грянул гром, и вскоре хлынул ливень. Я проснулся от сильного холодного ветра и, в полутьме, кое-как закрыл все окна. В коридоре, заметив своё отражение в зеркале, я так испугался, что едва не заорал.

Дождь лил до самого утра. Проснулся я уже под его конец. Бордово-зелёные тучи, смешанные с раскатами грома, наводили настоящий ужас. Такой цвет казался неестественным. Туман с похожим оттенком вызывал ещё больше вопросов.

Утром я снова проверил дверь – ничего. Со вчерашнего дня никто не ломился. Может быть, их память уже переставала быть человеческой, а интеллект едва дотягивал до младенческого. Проверять свои догадки на деле мне, впрочем, было страшно.

Ближе к обеду туман начал рассеиваться, открывая странную картину. Машины, так и оставшиеся стоять в рядах пробок, покрылись рыжими пятнами. А двери подъездов, похоже, были выломаны почти у всех домов. А на улицах блуждало мало больных. Дождь или холод им не нравился?

Мне всё не давала покоя мысль, как они там, на крыше, пережили ночной ливень. И когда я снова посмотрел в ту сторону, увидел то, чего лучше бы не видеть.

Одно тело сорвалось вниз, ударилось о край и исчезло из виду. А по самой крыше всё ещё бродили двое – криво, ломано, уже совсем не по-человечески. Через несколько секунд второй тоже сорвался вниз. И вот тут меня по-настоящему пробрало. Вчера мне их движения, их суета, их метания показались человеческими. Но что, если это только показалось? Что, если они изначально уже были больными? Тогда откуда? Они ведь не спускались вниз. Не подходили к толпе. Не контактировали с заражёнными. Не могут же они быть такими идиотами... »

Глава 4. Убийца
29 апреля 2027 года

Неделя пролетела незаметно. После последней записи, сделанной на третий день, дождь шёл ещё дважды.

От скуки я начал записывать количество разных больных и замечать закономерности. На улицах их постепенно становилось всё больше. Под палящим солнцем, наоборот, меньше. Уязвимость к высокой температуре? Пока не уверен.

Дождь тоже продолжал удивлять. После первого ливня я специально выставил наружу металлическую крышку от компьютерного корпуса. Под таким дождём ржавый налёт не просто покрывал металл, а буквально проедал его до дыр. Последующий туман действовал похоже, но чуть иначе: от него ржавчина не появлялась на новых местах, а быстро расползалась по уже поражённым участкам.

Ещё несколько раз выбрасывал на улицу тарелки, проверяя свою догадку насчёт звука. Похоже, больные действительно были очень чувствительны к шуму. После этого и сам стал вести себя гораздо тише.

Периодически один из них блуждал по этажу и снова начинал стучаться в дверь. Дверь была уже на грани: выпуклые вмятины проржавели до маленьких дыр. Сначала не мог понять, почему звуки снаружи стали слышны так отчётливо, и только потом, заглянув за холодильник, увидел эти отверстия.

Пришлось дополнительно заваливать проход тумбочкой, а свободный угол у холодильника затыкать книгами.

Батончики начали заканчиваться. Вода тоже портилась: появился привкус и неприятный запах. А вот вода, в которой лежало серебро, сохранилась заметно лучше. Значит, способ действительно продлевал срок хранения. Но еды даже при экономии оставалось дня на четыре. Если уж совсем экономить, на десять. Только доводить себя до слабости, вялости и нехватки сил не хотелось. У меня в голове не укладывалось, как вообще можно активно действовать на голоде, когда тебя самого уже шатает.

Впрочем, с провизией проблемы были не у меня одного.

Просиживая штаны на балконе, всё думал, что делать дальше, когда снизу вдруг послышались крики. Выглянул в окно и увидел троих молодых парней, быстро удиравших от десятка мертвяков. Из-под машин им навстречу вылезали новые, но тот, что бежал впереди с палкой, похожей на биту, успевал отбивать заражённых в стороны.

Сначала мне показалось, что это просто случайные замахи, толку от них, кроме краткой дезориентации, почти не было. Зато парень посередине, с лопатой, действовал куда жёстче: пробегая мимо поваленных заражённых, он добивал их ударами в голову, проламывая череп.

Зрелище было отвратительное.

Третий, пухлый, казался настоящим балластом. Он с трудом поспевал за друзьями, но даже так им всё же удалось добежать до соседнего дома, где дверь в подъезд уже давно прогнила и валялась рядом с рамой.

Что происходило внутри, я уже не разглядел. Многие заражённые стягивались со двора туда, внутрь. Единицы выходили из своих подъездов. Из моего, например, выбралась соседка, с безвольно провисшей рукой, едва переставляя ноги. Значит, дверь в моём подъезде, скорее всего, тоже уже валялась.

Звоночек о том, что здесь становится небезопасно, звучал всё отчётливее. Всё чаще мне казалось, что пора пройтись по другим квартирам, пока в подъезд не набились такие же отчаявшиеся, как я.

Правда, сомнений хватало.

Мысль об убийстве всё ещё царапала совесть: в конце концов, когда-то они были людьми. А вдруг это просто больные, которым нужно лечение? Единственное, что хоть немного сглаживало эту мысль, – их неестественная живучесть. Они продолжали двигаться без рук, без ног, с ранами, от которых любой нормальный человек давно бы умер, истёк бы кровью и больше не поднялся.

Люди так не ходят.

Я очень надеялся, что прав и что они больше не люди.

Собирался с мыслями долго, всё это время наблюдая за подъездом, куда продолжали медленно заходить заражённые. После короткого дневного сна убрал книги с холодильника, которыми подпирал дверь. Ей, кажется, оставалось стоять от силы неделю: сквозь углы уже начал пробиваться свет.

Забравшись на табуретку, глянул через эти проржавевшие дыры, как через решето. Дверь в предбанник уже валялась, а по этажу, к счастью, никто не бродил.

План был простым до смешного: тихо перебраться в соседний предбанник и попробовать открыть двери там, рассчитывая, что с соседскими запасами протяну дольше.

Я ещё с минуту следил за обстановкой. Ничего не услышав, начал убирать табуретку с накренённого холодильника. Стоило задеть край рамы, как с неё посыпалась рыжая труха. Пришлось замереть и снова вслушаться в тишину.

Легонько потянул ручку на себя. Дверь не поддалась. Тогда приложил чуть больше силы, и она пошла, издавая звук, похожий на скрип расстроенной скрипки. От такого и самому недолго расстроиться.

Я уже начал переступать через холодильник, когда из квартиры соседа донеслось шуршание.

Ногу я тут же дёрнул обратно.

От страха началась суета в голове. До ручки уже не дотянуться, да и не факт, что она не останется у меня в руке, как тогда у соседа. Прятаться в квартире, оставив такую огромную щель, опасно. Снова накидывать книги и табуретку? Слишком шумно, на звук могут стянуться новые больные.

Пока я метался в мыслях, в предбанник вышел сосед.

Челюсть у него безвольно свисала, на майке-алкоголичке чернели укусы и порезы. Я даже опомниться не успел, как он плечом толкнул дверь ещё дальше от меня и, издавая горлом влажные, хлюпающие звуки, потянулся ко мне руками.

Инстинктивно отбил его ладонь рукоятью ножа. Он неуклюже съехал по наклонённому холодильнику и врезался спиной в раму.

На секунду я опешил. Этой секунды хватило для этой сволочи.

Сосед снова захлюпал глоткой, вцепился мне в ногу и потянул к себе. Хватка у него оказалась чудовищной, такой, будто передо мной был не худой пьянчуга, а Шварценеггер, который десятилетиями жил железом.

Рухнул на копчик, выронив нож. В панике попытался отпихнуть его второй ногой, но лишь дал ему время подняться с колен. Он всё ещё держал меня одной вытянутой рукой. Тогда нащупал рядом клюшку, упёршуюся в стену, и принялся размахивать ею во все стороны.

Бил по пальцам. Мазал. Попадал по его руке. Один раз даже угодил по свисающей челюсти. Пару раз больно задел себя по лодыжке. Но сосед будто вовсе не чувствовал боли, а мне самому становилось уже невыносимо.

Тогда я начал бить по голове. После одного из ударов череп наконец проломился, и хватка ослабла. Но замертво он всё равно не рухнул, лишь застрял между рамой и холодильником. Осколки черепа, мозги и почерневшая кровь нездорового цвета медленно потекли вниз.

Я снова размахнулся и со всей силы вогнал пятку клюшки в уже раскроенный череп. Только после второго глубокого удара он перестал дёргаться.

Пол залило тошнотворной смесью серной вони и трупного смрада. Я отполз глубже в коридор и, дрожащими руками зажимая нос, попытался отдышаться. Тут же разыгралась паранойя: мне начало казаться, будто в квартире кто-то ходит, шуршит, дышит.

Стал убийцей. Я его убил. В панике клюшкой отпихнул труп соседа глубже в предбанник, сам быстро переступил через него и кинулся к соседям.

Одна дверь, обитая деревом, выглядела ещё крепкой, хотя ручка уже пошла ржавчиной. Вторая была примерно в том же состоянии, что и моя: углы проедены, будто решето. С силой потянул её на себя, и ручка, словно по проклятию, снова осталась у меня в руке. Дверь нехотя приоткрылась.

Через щель сперва заглянул внутрь. Ни движения, ни звука.

Тогда просунул пальцы в щель и потянул дверь сильнее, сдирая ржавчину под ногти. Внутри удалось закрыть её уже аккуратнее, не выломав внутреннюю ручку. После этого начал медленно осматривать квартиру, заглядывая за каждый угол.

В целом внутри было относительно чисто. Только открытое окно, засохшие крошки и посуда в раковине. Комната тоже не встретила ничем особенным, пару пустых кружек, тарелки, обычный беспорядок.

А вот дверь во вторую комнату была закрыта.

Когда я начал медленно её открывать, в нос сразу ударила трупная вонь. Потянув дверь клюшкой за ручку, осторожно оттолкнул её и заглянул внутрь.

На люстре висел сосед, в одних панталонах. На его голом торсе, у живота, расползалась белая пелена, похожая на плесень, и по виду, и по запаху. На секунду мне даже показалось, что он ещё жив. Чтобы рассмотреть лучше, пришлось подойти ближе.

И стоило мне встать перед ним, как он зашевелился.

Он потянулся ко мне. На миг мелькнула дурацкая мысль: вдруг я ошибся, вдруг он передумал умирать? Но глаза у него были пустые, почти прозрачные, а изо рта выплёвывалась белая пена.

– И что мне с тобой делать? – спросил я, не ожидая, конечно, никакого ответа.

Он продолжал шевелиться и, пытаясь дотянуться до меня, начал медленно проворачиваться в другую сторону. Может, случайно. А может, так мне тогда показалось. Но в итоге он развернулся к кофейному столику, на котором лежали нож и записка.

Я подошёл ближе и прочитал:

« *Мою жену укусил такой заражённый. Я видел, что с ней случилось уже минут через двадцать, пока мы ехали домой. Она велела мне бросить её, потому что её чуйка никогда не подводила, и она сразу поняла, что скоро умрёт, а мне будет грозить опасность.*

Пока мы поднимались наверх, ей стало хуже. Предсмертные судороги выкручивали ей всё тело. Я обнял её, решив, что это уже конец. От неё несло жаром, как от печи, – такого я никогда в жизни не чувствовал. Я подумал, что она уже умерла.

Но когда я обнимал её в последние секунды, она вдруг приоткрыла глаза. Во мне мелькнула надежда, и в ту же секунду она набросилась на меня и укусила за бок. Я оттолкнул её и убежал в квартиру, слыша, как она встаёт и бежит следом.

Жар поднимается уже и у меня. На улице бродят такие же больные. Я не хочу становиться одним из них.

П.С. Если я всё же стал таким – убейте меня этим кухонным ножом. Он был любимым ножом моей жены. »

– Сосед, ты меня помнишь и понимаешь? Если понимаешь, повернись обратно ко мне лицом. – Я стал ждать его реакции. Он лишь продолжил махать руками перед собой и не планировал поворачиваться осознанно.

– Если повернуться сложно, перестань махать руками, – добавил я. Прождал минуту, но реакции не последовало. Случайный поворот дал ложную надежду, что он ещё что-то понимает.

«И что мне с тобой делать? Ты ведь не дашь себя так просто убить», – прокручивал вопросы в голове в поиске ответов.

Минут десять мы так и оставались вдвоём: я – сидя, он – провисая в петле. Я смотрел на его затылок, а он, казалось, всё так же упрямо разглядывал облезлые обои. В какой–то момент до меня дошло, что просто тяну время.

Значит, надо было убивать снова.

Поставил табуретку, поднялся на неё и стал выше всего на пару сантиметров. Этого хватило. Одной рукой крепко ухватил его за шею, чтобы удержать, а другой, со вздохом, вогнал нож в ухо. Так совершил своё второе убийство. После него невольно попытался понять, что же во мне изменилось. Руки были на месте. Ноги – тоже. Голова работала, как раньше. Только внутри дрожало что-то мелкое, липкое, испуганное. Но, если говорить грубо, ничего кардинально не изменилось. Я остался прежним.

Под шум собственных мыслей собирал всё, что только видел вокруг.

На балконе, среди хлама, нашёлся набор продвинутого рыбака, по-другому это и не назвать. Большой походный рюкзак, весь в карабинах и каких-то хитрых примочках. Пара удочек разного размера, снасти, россыпь маленьких ножей, тренога, обгоревшие казаны, толстые рыболовные сети, свёрнутые надувные матрасы и лодки.

Выходило, сосед был заядлым рыбаком и успел натаскать домой кучу добра, которому я тут же нашёл свою шкалу ценности. На первом месте, как и полагается, стояли припасы. Всё остальное шло вторым уровнем – полезное, но уже после еды и воды.

Взяв рюкзак в руки, я пошёл по квартире, как по супермаркету с корзинкой, собирая всё, что не было привинчено.

Когда закончил, уже стоял в коридоре перед дверью с набитым рюкзаком за спиной.

Внутри лежали с десяток разных консервов и закруток, упаковки круп, наполовину пустая бутылка сладкой газировки, керамические ножи, два мультитула и разные медикаменты, даже спрей для носа, мало ли пригодится.

Там же, на кухне, нашлись обычный фонарик и пластиковый самозарядный, а ещё рыбацкая камуфляжная шляпа с пришитой маской, оставлявшей открытыми только глаза. Эта штука мне понравилась чересчур сильно.

Перепроверяя добычу, я вдруг услышал глухой звук за соседской стеной. Стало любопытно: неужели там ещё кто-то есть?

Я вышел на кухню, снял москитную сетку и, достав пластиковую швабру, осторожно высунулся наружу, пытаясь достать до соседнего окна. Всё это время я только и думал о том, как бы подоконник не повело и как бы самому не соскользнуть вниз.

Но дотянуться всё-таки получилось.

В соседнем окне тут же показалась маленькая девочка. Она радостно замахала мне рукой, но уже через секунду кто-то в панике втянул её обратно в квартиру. А следом высунулась женщина – соседка с верхнего этажа.

– Здравствуйте. Вы же жили этажом выше, да? А где мать девочки и её дедушка? – спросил я, не помня точных имён, но зная, кто примерно где жил.

– Иди в комнату! – резко бросила женщина кому-то за спину, а потом снова повернулась ко мне. После короткой паузы она заговорила уже тише: – Можете, пожалуйста, поделиться едой? Девочка в последний раз ела вчера. Я ей ещё с обеда говорю, что сегодня у нас очищающий день, что надо пить только воду и прочищать организм…

– Сначала ответьте на мой вопрос. А потом я посмотрю, осталось ли у меня что-нибудь, – сказал я, уже подозревая неладное.

Женщина сглотнула и заговорила быстрее:

– Когда всё началось, я возвращалась с работы к себе и услышала странные звуки на своём этаже. Поднялась, а там всё в крови, и какой-то окровавленный мужчина рвёт чьё-то тело. Мне стало страшно, и я спустилась этажом ниже. Тут как раз вышла Даша, сказала, что собирается гулять на улице. Этот мужчина нас услышал, и я быстро затащила девочку к себе и заперлась вместе с ней.

Она перевела дух и продолжила:

– Я плохо знаю наших жильцов, поэтому ничего не могу сказать про её мать и дедушку. Но, кажется, в тот день они должны были вернуться из магазина. Наверное… попали в самый эпицентр. Я соврала Даше. Сказала, что они уехали на какое-то время и попросили меня за ней присмотреть. В общем, я не знаю, что делать. Мне самой страшно выходить. И девочку жалко. И есть очень хочется…

Слушал её с какой-то странной грустью. Из жильцов тоже почти никого толком не знал, разве что соседей по этажу и тех, с кем когда-то успел поругаться. Эта женщина тоже однажды на меня наорала: не придержал ей дверь, просто потому что не услышал, как она идёт сзади. Тогда она показалась стервой. А теперь вдруг видел в ней обычного испуганного, но доброго человека. И тот давний случай уже казался не её характером, а просто неудачным днём.

– У меня есть банка кукурузы и протеиновые батончики. Для вас, – сказал я.

Жалость она, конечно, во мне задела, но жадность всё равно не дала отдать сразу слишком много. Если понадобится ещё – поделюсь потом.

Я сложил всё в пакет, закрепил его на швабре и вернулся к окну.

– Я здесь. Всё в пакете, только не уроните, – сказал я, осторожно вытягивая швабру наружу.

Одной рукой уже начинал терять равновесие, за раму больше не держался. Стоило высунуть вторую, как женщина вдруг коротко, тонко вскрикнула. От неожиданности меня самого дёрнуло так, что я чуть не выронил пакет.

Оказалось, её напугала кровь на моей толстовке.

Она на миг отшатнулась и словно уже передумала брать еду. Но почти сразу всё-таки схватила пакет, с тем же испуганным взглядом.

– Это ко мне вломился заражённый сосед, – поспешно объяснил я. – Они перестают быть людьми. И умирают, только если повредить мозг. Я просто защищался.

Я пытался говорить спокойно, будто этими словами можно было хоть что-то исправить. Но, кажется, ни одно из них на неё не подействовало. Женщина торопливо закрыла окно и сразу скрылась в квартире.

Глава 5. Открывайте, дядя Артур

Всё ещё оставался в этой квартире с её омерзительными запахами. Прикасаться к трупу было противно до тошноты, поэтому на ночь устроился на диване во второй комнате.

Ночь тоже выдалась не из простых. В полной тишине в дверь снова начали бить, теперь уже четверными ударами. Уже убедился, что звук их манит, но всё равно не мог поверить, что начал разговаривать во сне. Последний раз такое случалось со мной лет в восемь.

Смешно вспоминать: тогда, как многие дети, услышав новые матерные слова, повторил их во сне. Мать услышала и, конечно, отругала.

Теперь же мне приходилось успокаивать самого себя и разгонять тяжёлые мысли. Например, что дверь не выдержит. Или что труп в соседней комнате снова оживёт.

Вспоминать прошлое ещё никогда не было так занимательно.

Под ритм ударов в дверь в голове сами собой всплывали мелодии рейв-песен, которые когда-то слушал с Катей, моей школьной любовью. Однажды она потеряла один беспроводной наушник, но даже это не заставило её перестать слушать музыку, где всё решали бас и ритм. Что уж говорить, сам на какое-то время подсел на подобное.

Утро наступило незаметно. Так и не сомкнул глаз: лежал в полной тишине и старался не издавать ни звука. Только когда солнце поднялось достаточно высоко и первые лучи ударили по картинам на стенах, решил, что уже около семи.

Над диваном висели настенные часы, но по стрелочному циферблату давно разучился ориентироваться. Такой, на первый взгляд, бесполезный навык в эпоху электронных часов потерялся где-то ещё в начальных классах. Оставалось полагаться на воспоминания: ближе к шести начинает светлеть, к семи вечера темнеет, а к десяти уже совсем темно.

Трупная вонь растекалась по всей квартире, и даже проветривание почти не помогало. Проверив дверь и труп, немного успокоился: после одной ночи эта дверь всё ещё выглядела куда лучше моей. Хотя странно было другое, количество одновременных ударов только увеличивалось, несмотря на то что я молчал.

Завтракая на кухне и глядя в окно, снова размышлял, почему они такие.

На ум приходили грибы, о которых когда-то видел мемные новости: мол, однажды они эволюционируют и перейдут с муравьёв на людей. Но отличий было слишком много. Споры грибов и изображения заражённых муравьёв выглядели примерно одинаково: гриб буквально прорастал через тело носителя.

А эти заражённые? Просто бомжеватые, окровавленные тела. Отмой их, переодень, и почти не отличишь от обычных людей. Разве что слегка прихрамывают, часто щурятся и двигаются как-то неправильно.

До меня наконец дошла простая мысль: а что, если их привлекает запах? Вонь от моего пота, трупный смрад, какая им, по сути, разница. Убить одного заражённого уже оказалось задачей не из простых. Значит, и труп нужно было убрать, не прикасаясь к нему напрямую.

Пока думал, как бы ещё и помыться, в голову пришла другая мысль – вытащить его с помощью ковра. Минут пять, на ощупь и чертыхаясь, вытаскивал из-под кроватей и тумб толстую ткань, пока не добыл подходящий ковёр. Он был достаточно плотным, чтобы эта отвратительная плесень на пузе не касалась меня напрямую.

Закрыв нос и рот полотенцами, всё-таки подошёл к соседу, с трудом сдерживая рвотные позывы. Обмотав его ковром, сразу понял, что просчитался: этот толстый рулет стал весить просто чудовищно много. Изначально хотел лишь приподнять его и оставить на балконе. Но волочь тело по полу оказалось уже подвигом: голова всё время цеплялась за что-то, тянула за собой остальное тело и норовила выскользнуть наружу.

В общем, постоянно заталкивая её обратно в ковёр, всё-таки дотащил соседа до балкона.

– Как будто менее болезненно было бы просто сигануть в окно головой вниз… Зачем вообще придумывать эти петли, – всё чаще проклинал я соседа за его выбор.

– Отдыхай, приятель, – пробормотал я, закрывая за собой балконную дверь.

Но вонь никуда не делась. Я решил, что нужно просто подождать, и вернулся на кухню – в самый дальний угол, надеясь, что со временем заражённые уйдут с этажа, а смрад хоть немного выветрится.

Прошёл, по ощущениям, целый час.

Но вонь не исчезла. Наоборот – с одним из порывов ветра её только сильнее занесло в квартиру. Это и стало последней каплей.

Я вернулся на балкон. В маленьком замкнутом пространстве запах стоял такой, что меня тут же вывернуло – все консервы полезли наружу.

«Хорошо хоть успел отдёрнуть полотенце от носа и рта», – мелькнуло у меня в голове, пока я, задыхаясь от этой смеси ароматов, пытался сдержать вторую волну.

Переступив через лужу собственной рвоты, я поддел ковёр, закинул его на плечо и, подперев голову трупа к открытому окну, просто толкнул всё это вниз, поднимая нижний край. Вместе с ковром он полетел наружу.

Мне самому тоже пора было убираться с этого балкона.

Уже на кухне совесть всё-таки кольнула. Не стоило так злиться. Всё это выглядело слишком не по-человечески, слишком грубо.

«А что мне оставалось делать, если эта вонь притягивает новых больных?», – тут же начал я спорить с собственной совестью.

Эти внутренние дебаты прервал стук по стене.

– Почему они всё ломятся к вам? – выглянула соседка, зажимая нос рукой и слишком явно показывая, как от меня несёт.

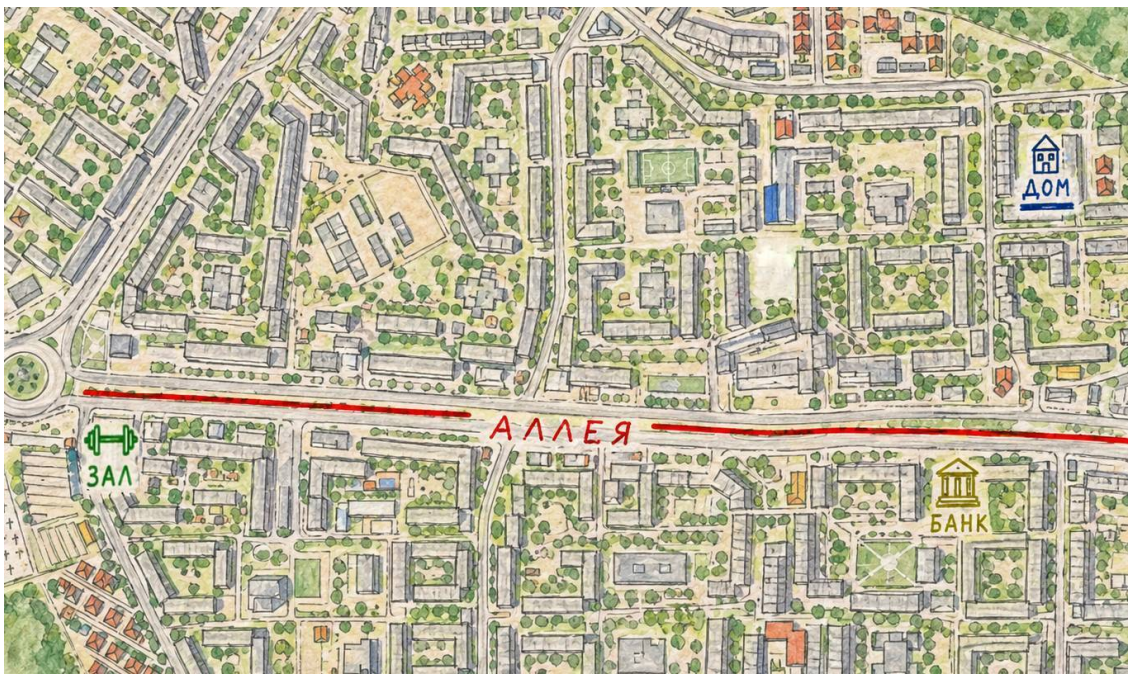
– Их привлекают звуки, запахи… ну и, похоже, внешне они нас тоже как–то отличают, – ответил я, стягивая с себя провонявшую толстовку.

– Теперь хотя бы дышать можно, – с упрёком заметила она, глубоко вдохнув. – А вы откуда это знаете?

Потом, помолчав, добавила уже тише:

– Я хотела сегодня попробовать вернуться к себе в квартиру. У меня там были консервы. Но эти заражённые почему-то столпились у вас. Даша ещё спит, но, кажется, уже понимает, что еды нет, а выходить опасно. Я вообще не знаю, что делать… Смешно, наверное: мне сорок один, а я стою и жалуюсь молодому парню.

– Когда всё началось, я был в спортзале. Там начался хаос, и я сбежал, – сказал я. – Мне просто повезло: на дороги были пробки и брошенные машины, а потом и на аллее проскочил удачно – многие заражённые были заняты домами и переулками. Хотя в одном таком переулке меня чуть не зажали.

Я помолчал и добавил:

– Завтра попробуем выйти вместе. Кстати, я нашёл ещё консервы. Подождите немного.

– Огромное вам спасибо… И простите за вчерашнюю реакцию, – быстро сказала она. – Я испугалась, когда увидела кровь. У меня гемофобия я её очень боюсь. Я сейчас подойду.

Я приготовил банку кукурузы и фасоли, сложил всё в пакет и сел у окна ждать. Её не было довольно долго, и я уже начал думать, что что–то случилось.

– Здравствуйте, дядя! – вдруг выпалила девочка, высунувшись в окно. – Тётя сказала, что вы неплохой человек, она просто перепутала. Спасибо за еду! Мама всегда говорила, что кукуруза без ничего невкусная и что нельзя есть её просто так, и что сладкие батончики нельзя кушать до еды. Но вчерашние были очень вкусные! А ещё к вам в дверь какие-то гости стучатся. Я сначала подумала, что это мама и дедушка вернулись и стучат, чтобы я открыла, но оказалось, это к вам. А почему вы им не открываете? Вы не ждали гостей? А почему от вас так пахнет? Мама говорила, что надо не забывать мыться, а то станешь грязнулей…

Её бесконечный поток слов прервала соседка, мягко, но поспешно убрав девочку с подоконника.

– Девочка давно ни с кем, кроме меня, не разговаривала. Надеюсь, вы поймёте, – сказала женщина, выглянув сама. – Я принесла вам бутылочку жидкого мыла. Вы говорили, что они реагируют на запах, а от вас… ну, ощутимо тянет.

Она протянула руку к швабре. Забрала из пакета обе банки, а взамен положила половину бутылочки мыла и мутную бутылку воды.

Я бы с удовольствием принял горячую ванну, отмылся как следует, содрал бы с себя весь этот въевшийся кошмар хоть щёткой. Но, как назло, у соседей осталось только твёрдое мыло да пустые бутылки из–под шампуней и гелей.

Видимо, у них всё не вовремя закончилось. Хотя мне и сейчас было трудно представить, как женщина вообще может жить без целых гор своих бальзамов, гелей и прочих баночек.

– Это вода для цветов. Пить её, конечно, не стоит, а вот смыть мыло вполне можно, – пояснила она. – Мать девочки, оказывается, работала в цветочном, так что у них дома полно удобрений и бутылок с водой для полива.

Поблагодарив её ещё раз, я напоследок спросил, как её зовут, и представился сам. Оказалось, соседку звали Адель.

Поздновато, конечно, для знакомства.

После этого я вернулся в квартиру и пошёл в ванную – смывать с себя недельный пот и остатки крови.

Воды было совсем мало, мыла, тоже. Я мылся почти как дворняга, которой дали только наспех облизаться у миски. Но даже так удалось смыть резкий запах пота и хоть немного привести себя в порядок. Половина воды ушла только на то, чтобы промыть волосы.

И в такое время именно волосы казались мне самой неподходящей роскошью.

Сидя на кухне, я смотрел в окно. Это была самая дальняя комната, и сюда трупный запах добирался слабее всего. Ударов в дверь стало меньше. Значит, моя догадка насчёт запахов, похоже, подтверждалась: особенно сильно их тянуло на резкую вонь.

От скуки начал тренироваться: качал пресс, делал разные отжимания, заново проводил ревизию запасов. В общем, хватался за всё, лишь бы отвлечься и не думать о происходящем ужасе. Ещё подумывал дополнительно подпереть дверь тумбочкой из комнаты, но она оказалась слишком тяжёлой, а шуметь, волоча её по полу, было страшновато. Так что оставил всё как было: кофейную столешницу и табуретки, наспех набросанные у входа ещё вчера перед сном.

Вечером уснул быстро, как младенец. Двойной ритм ударов ослабевал: заражённые к вечеру били всё реже, и я наконец мог отдохнуть. Даже навязчивые мысли перед сном не лезли. Может, помогли тренировки, а может, просто сказался недосып.

Утром просыпаться совершенно не хотелось, хотя и сон не приходил. Солнце только-только начинало свой дневной забег.

Невольно вспомнились школьные годы, едва ли не единственное время в жизни, когда мне приходилось вставать так рано. Даже пары в техникуме чаще всего начинались с десяти. Во всяком случае, для меня.

Уличная свежесть, будто ночью моросил дождь, бодрила лучше любого душа.

Только ранним утром и поздним вечером заражённых на улицах становилось меньше. Хотя, возможно, всё было проще: за ночь они просто разбредались и терялись по тёмным переулкам.

Пищи для размышлений у меня было предостаточно. В отличие от обычной еды.

Большая часть воды осталась в моей квартире, так что даже без предложения Адель сегодня всё равно пришлось бы выходить.

Я раз десять постучал в стену, и мне наконец ответили. Через минуту в окне показалась заспанная Адель – в короткой футболке, из-под которой виднелась сбившаяся лямка лифчика.

– Почему так рано? – спросила она, зевая и прикрывая рот ладонью. От этого лямка совсем соскользнула с плеча.

Мне стало слегка неловко, и я ответил первое, что пришло в голову:

– На рассвете и на закате они менее активны. Даже сейчас ко мне в дверь лениво стучатся только двое. Так что собирайтесь с Дашей на выход. Я не уверен, что после открытия ваша дверь останется такой же надёжной.

Сказав это, я почти сразу нырнул обратно к себе.

– Я думала оставить её здесь, в безопасности… Стой, ты куда? – растерянно протянула Адель. Но под конец она уже ускорилась, не понимая, почему я так резко исчез в квартире. – Постучись два раза, когда нам выходить!

Я убрал табуретку, вытащил одну из подпорок, освобождая двери хоть немного хода, и крепче сжал клюшку. Ладони уже вспотели. Только сейчас, после мыла, это ощущалось особенно мерзко, как будто я зря вообще отмывался.

– Итак, – шепнул я сам себе.

И потянул дверь.

Дверь открылась с уже знакомым скрипом. Узкая щель только успела появиться, как первый заражённый тут же дёрнулся на звук и навалился всем телом. Я едва успел отскочить назад.

Он протиснулся внутрь боком, зацепился рукавом за край рамы, и та сразу посыпалась ржавой стружкой – кусок металла обвалился вниз. Пока первый пытался пролезть, второй только мешал ему, тоже рвясь внутрь. Но вместо помощи он лишь сильнее зажимал своего товарища, словно тисками. Нижний угол двери, давно проеденный ржавчиной, не выдержал, прогнулся и целым куском выпал.

Этой доли секунды мне хватило.

Я ударил снизу вверх, будто отбивал мяч. Клюшка с хрустом врезалась зажатому в лоб. Голова дёрнулась, но он не упал, только завалился плечом в стену, хлюпнул горлом и снова потянулся ко мне. Лишь со второго удара, брызнув кровью мне на одежду, он наконец рухнул замертво.

Послышался неприятный хруст, и я уже испугался за клюшку, запасные-то остались в моей квартире. Но, слава яйцам, трещала всего лишь дверь. В щель уже начал просовываться второй заражённый.

Он навалился, наступая на труп своего товарища, и полез ко мне ещё яростнее. Под его весом дверь со скрипом окончательно накренилась внутрь предбанника. Заражённому почти полностью открылась моя баррикада, и мои, в скором времени, обделанные штаны.

Он повалил на меня мои же стулья, и мне пришлось отступить на полшага назад. Использовав мёртвого товарища как трамплин, он уже начал залезать на стол, скидывая внутрь квартиры обломки рамы.

– Да ты б…ят-ть! – Звук упавшей табуретки заглушил и мои крики, и следующий замах. Я вскинул клюшку так высоко, что почти достал до потолка, но даже этого короткого пространства хватило, чтобы врезать ему как следует.

Он рухнул уже ко мне внутрь. После второго удара у него вытек глаз, но полуживое, ползущее тело всё равно продолжало пытаться подняться. Лишь на третьем ударе, забрызгав кровью стены и мои ботинки, он окончательно сдох.

Заглянув вглубь этажа, я никого не увидел. Тогда закинул на плечо не самый лёгкий рюкзак, натянул рыбацкую шляпу с маской и вышел в предбанник.

Попутно поглядывая в сторону лестничной клетки, я постучал в соседскую дверь. Но мне не открыли.

– Это я. Открывайте быстрее, и уходим, – прошептал я в глазок.

– Она не открывается! – в панике ответила Адель. – Мы тянем за ручку, но никакой реакции!

– Тут трупы. Девочка готова? Я попробую открыть силой.

Я ждал ответа, но уже мысленно прикидывал, не пора ли бросать всё и сматываться. Наконец из-за двери раздался голос девочки:

– Всё хорошо. Я из окна много видела. Я не буду сильно пугаться. Открывайте, дядя Артур! – нервно сказала она.

Я сбросил сумку под ноги, упёрся ногой в раму и потянул ручку на себя.

Ручка с корнем оторвалась. К несчастью дверь не открылась.

Тут уже паника начала подбираться и ко мне. В коридоре послышался шорох.

Я спешно сунул узкий конец рукоятки клюшки в продавленную замочную скважину и, используя её как рычаг, дёрнул дверь в сторону. Раздался хруст. Дверь открылась. А моя клюшка, переломившись, осталась у меня в руках двумя кусками.

– Адель, рюкзак! – не оглядываясь, бросил я ей. – Мне нужна новая клюшка. Двадцать секунд. Если кто-то полезет наверх – сразу за мной в квартиру!

И я рванул к себе, перепрыгнув через труп пьяницы-соседа.

Переступая через обломки двери и проскальзывая по холодильнику, едва не поскользнулся на ржавой стружке и уже успевших подсохнуть тёмных пятнах. В квартире повонивало кровью, напоминая про первый раз, от которого внутри всё сжималось. Хотелось задержать дыхание, но его и так не хватало.

Запасные клюшки лежали в спальне, у стены, где проходила первая ревизия. Схватил первую попавшуюся.

Глава 6. Зачистка

Нынешние дни...18 сентября 2029.

– Арти, просыпайся. Ты что, их не слышишь? – громко сказала Ника ему прямо на ухо.

Артуру ночью почти не спалось. Даже сквозь ткань, сено кололось в спину, из-за чего он то и дело ворочался. Спросонья он выглядел как медведь после спячки, хотя по лицу было видно обратное: по внутренним ощущениям проспал он минут пять, не больше.

Алый рассвет он пропустил.

В отличие от нас.

– Сейчас примерно восемь, – добавила Ника, заранее прочитав его мысли.

– В этот раз твоя очередь будить? – хрипло спросил Артур и прислушался к звукам внизу.

Приглушённые шорохи то стихали, то появлялись снова. Он заметил щели в полу и только теперь разглядел человека. Тот сидел за углом, прислонившись к столбу амбара, и, держа руку у пояса, будто чего-то ждал.

Артур медленно отполз глубже, к своей платформе второго этажа, и начал следить, замедляя дыхание.

Человек всё так же сидел неподвижно. Так продолжалось до тех пор, пока снизу не послышались вторые шаги. Через секунду – третьи. Они звучали уже чётче и шли прямо под Артуром, под его импровизированной постелью из сена. Сено забило почти все щели в полу, и заметить его можно было разве что там, где торчала голова.

Множественные шаги принадлежали заражённым. Они прошли под Артуром и направились ко второму выходу, как раз мимо мужчины за столбом.

Тот чуть высунулся, увидел их и потянулся к заднему карману. Потом вытащил из-за спины серый топор, обмотанный тонкими верёвками.

Мужчина рванул к выходу, привлекая заражённых за собой. Один из них, живой как огурчик, сразу побежал следом. Двое других потрусили медленнее.

Незнакомец спрятался за углом. И стоило первому заражённому добежать до рамы, как он выскочил навстречу и вонзил топор ему прямо между глаз.

С двумя медленными он справился уже без труда – по одному, в узком проходе.

– Показалось? – вслух пробормотал мужчина, почёсывая голову под шляпой. Потом убрал руку с пояса и крикнул куда-то за спину: – Ребят, забирайте бочки!

Незнакомец пнул труп одного из мертвяков, потоптался по сену и уселся прямо под Артуром.

С улицы донеслись ещё два голоса. Там засуетились: начали поднимать бочки и сливать из них воду. Обычное расточительство, по-другому и не скажешь.

Незнакомцы возились вокруг довольно долго. То отламывали какие-то части амбара, то перетаскивали бочки с места на место, то переговаривались на улице. Потом двое парней позвали третьего, видимо, главного, — и все трое вдруг затихли.

Артур пролежал так ещё час, а может, и полтора, не издавая ни звука.

– Думаю, тебе стоит остаться в амбаре ещё на одну ночь, – сказала Соня, появившись рядом и нависнув над ним. – Еды и воды у тебя хватит.

Он хотел возразить, что здесь тоже опасно. Но тут же поймал себя на другой мысли: шатаясь по улице, можно случайно наткнуться на этих людей. И ещё неизвестно, что хуже. Потому, коротко размяв затёкшее после ночёвки тело, Артур достал сложенные вчетверо записи:

30 апреля 2027 года

«Я очень боялся, что внутри кто-то окажется, поэтому старался забрать клюшки как можно быстрее. Мне казалось, мертвяки могли зайти в квартиру, услышав сквозняк, а вот выйти им уже помешал бы холодильник.

Вернувшись в коридор, увидел, как Адель быстро сбрасывает рюкзак, а маленькая Даша стоит рядом, закрыв глаза ладонями и явно не понимая, что происходит.

Женщина подхватила девочку под мышки и начала передавать её мне внутрь.

На секунду застыл, не понимая, что делать: бросать клюшки и принимать девочку на руки или она сама как-нибудь проскользнёт через холодильник? Так ничего и не придумав, просто потянул её за воротник, слегка придушив. От неожиданности Даша убрала ладони от лица.

– Внутрь! – скомандовал я, как только она приземлилась.

Сразу за ней в квартиру почти влетела Адель.

– Шаги! – испуганно выдохнула она и тут же спряталась глубже в квартире.

Мне самому очень захотелось сделать то же самое, потому что я всё ещё стоял в проходе, перегороженном одним накренившимся холодильником. Через несколько секунд и до меня донеслись приближающиеся двойные шаги.

На этаже показался заражённый и сразу рванул ко мне.

Был ли выход из квартиры ошибкой? Возможно.

Предыдущие больные хотя бы были соседями с разных этажей. А у этого было совершенно незнакомое, изуродованное лицо. Он прохрипел и бросился вперёд.

Перелезать через холодильник или медленно протискиваться он не стал. Споткнувшись о труп в предбаннике, заражённый почти рыбкой нырнул через холодильник прямо в квартиру.

От такого пируэта не просто опешил – я конкретно растерялся. Ожидал, что он будет лезть медленно, цепляться, застревать. А он уже, не успев подняться, тянул ко мне руки.

Ударил пяткой клюшки по его ладони. Он не дотянулся, тут же сменил приоритет и начал быстрее подниматься на ноги: сначала встать, потом схватить.

Снова не рассчитав высоту потолка при замахе, шарахнул клюшкой по нему. Попасть краем не вышло: удар получился тупым, не точечным. Заражённый даже не остановился, не оглушился, продолжал лететь в меня.

Я успел только выставить клюшку, и он вцепился в неё.

Адреналин ударил в каждую мышцу. Каждое движение ощущалось резким, отдельным, слишком ярким. Заражённый едва не вырвал клюшку из моих рук, но всё же удалось удержать и оружие, и его самого, а потом оттолкнуть обратно.

Второго удара он уже не выдержал.

Запыхавшись как паровоз, упёрся руками в колени и пытался понять, где второй заражённый, которого мы слышали. Выходить к лестнице было страшно, поэтому ещё какое-то время ждал в квартире.

Секунд десять снизу доносились тяжёлые, медленные, одиночные шаги.

«Решил на моих нервах поиграть?», – мысленно спросил я.

Шаги действительно были медленными и отдалёнными, где-то на нижнем этаже. В конце концов я всё-таки вышел на площадку и заглянул в щель между перилами, пытаясь кого-то разглядеть.

Этажом ниже появилась жирная окровавленная рука. Она медленно поднималась по ступенькам.

Спустился на пару ступеней и только тогда понял, чья она.

Соседка с первого этажа. Та самая, что вечно жаловалась: то слишком шумно поднимаюсь по лестнице, то слишком громко вызываю лифт, то кто-то якобы портит её рассаду в клумбе перед домом.

Габариты у неё были приличные, и в таком заражённом состоянии она выглядела почти комично. Адреналин всё ещё гулял по телу, но несколько нервных смешков всё равно вырвались сами собой.

Спустился чуть ниже, чтобы позлорадствовать. При виде меня она ускорилась с улиточной скорости до черепашьей.

– Хочешь меня сцапать? Не наступай на мою рассаду на этаже! Я сейчас полицию вызову и заявление напишу если не уйдешь с рассады на этаже! – при виде меня она ускорилась с улиточной до черепашьей скорости.

Спокойно приготовившись, размахнулся, и бесячая соседка мясным мешком полетела вниз по ступенькам.

Снизу, как показалось, доносились ещё какие-то звуки. Быстро вернулся к себе в квартиру, забежал в одну из комнат и, подозвав Адель, попросил помочь.

Выбора у неё особо не было.

Она наклонила холодильник на меня, а я, надрывая спину, потащил его к выходу. За это время раз десять успел пожалеть, что в зале вечно пренебрегал днём ног и делал его от силы раз в две недели. Женщине тоже приходилось несладко, но вместе мы всё-таки сумели вытащить холодильник в коридор и перекрыть им нижние ступени примерно на половину корпуса.

– Нужно ещё что-то, – выдохнул я, пытаясь отдышаться и вопросительно глядя на Адель. – Такое чувство, что они всё равно спокойно пролезут.

– У меня в квартире большой холодильник, а у девочки: старый советский, тяжёлый, – ответила она, почему-то всё время поглядывая в потолок. – А тумбочки просто скатятся отсюда…

В итоге мы принесли ещё табуретки и стулья, кое-как поставили их друг на друга и надеялись, что хоть часть этой кривой баррикады удержится.

– Всё в порядке? – спросил я, заметив, что Адель побледнела почти до мраморной белизны.

– Боязнь крови, я же говорила… – ответила она, тяжело дыша. – Я хоть и не смотрю вниз, но всё равно чувствую её запах.

Сладковатая гниющая вонь действительно висела в воздухе. Мне самому от неё было не по себе.

– Идём, – сказал я, задумчиво почесав макушку.

Я отвёл Адель к себе в квартиру и отправил к девочке, а сам пошёл на кухню, к шкафчикам, где припрятал часть оставшихся батончиков.

Взяв два, я вернулся к напряжённым девушкам.

– На кухне последние батончики, – сказал я. – Туда лучше не ходить. Там кровь и труп заражённого остался.

Это была ложь. Или, точнее, полуправда.

Просто не доверял Адель настолько, чтобы показывать все свои запасы. До вчерашнего дня она была для меня женщиной, которую пару раз видел в лифте и через окно. Этого было маловато для полного доверия.

Следующие пять минут пронеслись перед глазами сплошным кадром. Медленно открывал предбанники, проверял, нет ли внутри заражённых, и старался не выламывать двери, а беречь хрупкие ручки и замки. Любая дверь, любой этаж могли пригодиться как укрытие.

С седьмого этажа послышались приближающиеся хриплые хухэканья. Оставаясь этажом ниже, ударил ладонью по стене, чтобы привлечь внимание. Сработало: хэканья тут же сменились тяжёлыми шагами, спускавшимися по лестнице.

Показался заражённый – крупный мужчина в рваной рубашке, весь в ссадинах. Сквозь ткань проступали обкусанные мышцы. Глаза у него были слегка покрасневшими и распахнутыми настежь. Все встреченные мной до этого больные, как один, ходили с полуприкрытыми веками, словно вечно невыспавшиеся. А этот выглядел иначе.

От этого стало не по себе. Даже в воображении было трудно представить, как оттолкнуть такую гору мяса и мышц. Тот заражённый, что влетел ко мне в квартиру, был хотя бы худым и проворным. Этот же казался тяжёлым, как шкаф.

Спустился чуть ниже и приготовился. Когда здоровяк рванул на меня, успел подставить клюшку между перилами. Заражённый со всей силы врезался в неё, споткнулся и кубарем полетел вниз. Он ударился головой об электрический щиток, но даже после этого, хэкая и захлёбываясь, начал подниматься.

На этот раз не растерялся. Пока он ещё не успел встать, начал лупить его по голове. Бил до тех пор, пока шея не выдержала, а голова не обвисла безжизненно. Только тогда он наконец стал полноценным трупом.

Счёт: 7.

Поднявшись на последний этаж, я подошёл к квартирам, где уже много лет никто не жил. Открыть первую дверь, просто потянув на себя, конечно же, не получилось.

– Главное, чтобы никто не вышел посмотреть… – бубнил я себе под нос, готовясь к возне.

Хотелось сначала самому осмотреть все пустующие квартиры, собрать полезное, а уже потом позвать остальных и сказать, что здесь более-менее безопасно.

Я присел на корточки и наконечником клюшки начал ковырять ржавые места у двери. Старая советская дверь, пережившая десятки лет, имела куда более толстый слой металла, поэтому поддавалась гораздо хуже. Внутренние слои вообще почти не тронула коррозия, целыми остались. Порыжели только ручка, замок и верхние слои.

Пришлось переключиться на замок. Счищал с него ржавчину, как сухую кожуру, потом дёрнул ручку; и та осталась у меня в руке. Зато после этого удалось продавить замок внутрь. Дверь нехотя открылась, оставив часть механизма торчать в раме.

Вытащив замок из паза, спокойно прошёл в квартиру.

Это была советская однушка. Комната виднелась уже из коридора. На стенах висели ковры – прекрасные пылесборники. Не успел пройти и метра, как от обилия пыли и запаха сырости захотелось чихать.

Мебели почти не осталось. Ни шкафов, ни тумбочек — только стопки досок по углам. Рядом с единственной кроватью лежал телевизор с кинескопом, старый, покрытый вековым слоем пыли. На самой кровати, поверх дырявой простыни, лежала гора книг. Одни уже успели отсыреть и покрыться пылью, другие, завёрнутые в полиэтилен, выглядели так, будто ждали своего часа. Эксклюзивные издания?

Кухня тоже огорчила: паутина, слои пыли, стопки старых газет и фарфоровая посуда под подоконником.

Балкон оказался не сильно лучше. Банки с какой-то прозрачной водой, разбросанная старая одежда, серо-зелёные резиновые сапоги и длиннющие перчатки. Такие, кажется, раньше носили электрики? Мне трудно было представить, кем работал человек, если у него дома хранился такой набор.

Под слоем одежды нашлась большая инструментальная коробка, слегка покрытая рыжим налётом. Внутри лежало множество инструментов: от лобзиков до зажимов и топоров. Деревянные ручки у многих были не гладкие, а с неровными выступами, словно их делали вручную.

Итак, что мы имеем?

Все вкусности и полезности я выложил в коридоре на полу: лопату, грабли, ящик с инструментами, ключницу, банки с домашним самогоном, от одного запаха которого можно было ослепнуть, и одну книгу с красочной обложкой, выпущенную ещё в десятом году. Всё-таки время как-то убивать надо.

Соседняя квартира тоже должна была быть пустой. Я предварительно постучался, чисто на всякий случай.

В этот раз внешний слой двери был деревянным, и ковыряться в ручке с замком не получилось. Сначала топором выламывалось наружное дерево, а потом уже лопатой хреначил в районе замочного паза.

Трёшка встретила меня всё тем же запахом сырости. На полке у входа висела ключница с ярлыками, и на одном из ключей был подписан номер соседней квартиры.

«Нужно было сначала сюда наведаться. Не пришлось бы замок выламывать»,– подумал я и тут же чихнул.

– Вспоминают, – тихо пробубнил я.

Я ходил по комнатам и не сразу понимал, что вижу. В квартире явно начинался ремонт. Одна комната была почти готова, но без мебели: только раскладушка и матрас, висящий на балконе. В другой стояла детская люлька, телевизор и новая тумбочка, уже покрытая тонким слоем месячной пыли.

На языке появился неприятный привкус огорчения. Зря я тогда вышел из домового чата. Там наверняка писали, что сюда кто-то поселился.

Но сейчас мне повезло: внутри никого не было.

На одном из балконов лежали неоткрытые банки штукатурки, рулоны обоев, клей, шпатели – в общем, всё для ремонта, включая стремянку.

Кухню тоже не успели толком обустроить: только стол без стульев, раковина, плита и холодильник. В холодильнике нашлись остатки еды: половина палки салями, испорченная тарелка каши, банка супа, по запаху уже прокисшего, бутылка газировки, две банки пива, пять энергетиков и судок с испорченным рагу.

Морозилка пустовала полностью. Только форма для льда валялась где-то в углу.

Всё добро складывалось в новоприобретённую поясную строительную сумку.

Потом спустился этажом ниже и по уже отработанной схеме проник в следующую квартиру. Ржавые пазы, замки и двери теперь играли мне на руку, и это, признаться, начинало нравиться. Настроение понемногу налаживалось – я даже почти забыл про свой счёт: семь.

Квартира оказалась такой же пустоватой, как и советская однушка: макулатура, разный мусор, картины, тряпки. Даже обычных кухонных приборов не было.

Квартиру старика, который еле ходил, оставил напоследок. Просто так вламываться туда было мерзко. Но неделя уже прошла, а значит, если у него и были запасы, то надолго их вряд ли хватило.

Я всё-таки постучал. Для вежливости.

Тишина.

Тогда я вошёл без спроса и стал осторожно проверять комнаты. В первых было пусто. В последней хозяин нашёлся.

Старик свисал с кровати туловищем вниз, будто пытался встать и не смог.

– Эй… Живы? – окликнул я его, хотя прозвучало глупо даже для меня.

Ответа не последовало. Подойдя ближе, я ткнул тело клюшкой. Оно ожило и тихо захрипело.

Старик приподнял на меня пустой взгляд и попытался поднять руку, но сумел только чуть потянуть ладонь в мою сторону. Он стал заражённым. Хотя на теле не было никаких видимых ран, да и верилось с трудом, что он вообще мог выйти на улицу и выжить в эпицентре всего происходящего.

Алый туман после дождя тоже опасен?

Глава 7. Ветер принёс мёртвых

– Аккуратно, ступенька. Ногу поднимайте, – говорил я тихим, успокаивающим голосом.

Даша была ещё ребёнком, ей не стоило видеть подобные ужасы. Адель боялась крови. Компаньоны, конечно, неподходящие, но их всё равно нужно было поскорее увести из моей квартиры.

Моя кухня, все мои припрятанные запасы… Врать, что еды нет, а потом у них на глазах переносить сумки в другую квартиру – идея так себе. Адель же, кажется, из чувства долга хотела защищать девочку почти как родную дочь. Она предложила Даше пожить у неё вместо квартиры со сломанной дверью, и девочка быстро согласилась.

Теперь я вёл этих двух невинных девушек за руки, почти как собака-поводырь, провожая их до верхней квартиры.

– Спасибо, что проводил, – поблагодарила Адель, открывая дверь ключом. – Можешь вечером зайти на ужин. У меня много свечей, да и срок годности у всякого ещё хороший.

Я согласился заглянуть вечером, но тут же вернулся к планам:

– Сначала перенесу свои вещи в тридцать первую квартиру. Там хоть и начальный ремонт, и мебели почти нет, но всё равно лучше, чем у меня. А потом пойду по соседям. Нужно понять, сколько вообще осталось живых…

Я задумчиво почесал щетину.

Адель согласилась, что ради безопасности лучше держаться вместе. Заодно стоило проверить, нет ли в каких-нибудь квартирах заражённых. Уже собирался уходить, когда она, будто что-то вспомнив, окликнула меня:

– Артур, подожди. Я вспомнила: соседи из двадцать девятой уехали в отпуск и оставили мне ключи, чтобы я присматривала за квартирой. Там моя хорошая подруга с сыном жили. Подожди, я сейчас принесу ключ.

Она скрылась внутри и минут пять шуршала по карманам курток. С нижних этажей тем временем послышались мычания, эхом отдававшиеся от стен, вперемешку с какими-то неразборчивыми звуками.

Адель тоже их услышала. Она велела Даше идти обустраиваться, а сама стала искать ключ быстрее.

– Если будет так же безопасно, обязательно загляну вечером, – шёпотом ответил я.

В общем, дел прибавлялось в геометрической прогрессии.

Времени было в обрез. Впопыхах, за три захода, я перенёс сумки на седьмой этаж, а потом спустил с верхнего этажа остальной хлам.

Дверь в двадцать девятую квартиру выглядела надёжно: многослойная металлическая, с тёмным обрамлением. В углах коррозия уже взялась крепко, но сквозных дыр не было, свет нигде не пробивался. По нынешним меркам, можно сказать, крепость.

Я медленно провернул ключ и осторожно потянул ручку.

Двухкомнатная квартира со свежим светлым ремонтом встретила меня с распростёртыми объятиями. Такой ремонт я видел разве что в премиальных домах – ну, или где-то около того. По углам шла длинная белая окантовка: то ли подсветка, то ли дизайнерское решение, которое странно сужало пространство.

«Ужас-ужас, как же мне теперь это терпеть», – с лёгкой ухмылкой подумал я, радуясь новым хоромам.

Мой десятилетний ремонт рядом с этим даже не стоял, и не радоваться было невозможно.

Самая большая первая комната была плотно заставлена шкафами-купе до потолка. Телевизор, письменный стол, полки с учебниками и канцелярией. У зеркала – целая россыпь косметики, такое количество, что на глаз не пересчитаешь.

Свои сумки я занёс внутрь и оставил возле шикарной кровати в первой комнате. Вторая оказалась куда скромнее: кровать, стол да шкаф.

В холодильнике нашлось много не самой свежей еды: два лотка яиц, овощи – часть уже сморщенная, и несколько гнилых яблок. Хотя электричество давно отключили, холодильник почему-то всё ещё держал прохладу. Запасы легли по шкафам и холодильнику.

В квартире витал не самый свежий запах, и даже множество цветов ситуацию почти не спасало. Окна в комнатах распахнулись, и сквозняк быстро прошёлся по углам, принося долгожданную свежесть.

Хотя чуть позже об этом придётся пожалеть.

Уже полностью обустроившись, наконец почувствовал себя почти уютно. В шкафчиках ванной нашлось несколько ароматических свечей. Впервые за последние дни появилось хорошее предчувствие: отдых, вино, свечи, компания Адель и Даши. Одиночество уже начало плавить мозги, и оставалось ощущение: пробудь один ещё немного... крыша бы всё-таки поехала окончательно.

До вечера оставалась большая часть дня, а по квартирам пройтись ещё не удалось.

С приподнятым настроением я аккуратно провернул ключ, закрыл за собой дверь и почти вприпрыжку начал стучаться сначала по квартирам своего этажа. Поначалу многие за дверями молчали. Но стоило им услышать одну и ту же повторяющуюся фразу, как люди приободрялись и настороженно отвечали, а некоторые даже выходили.

Я начал вести мысленный подсчёт: какие квартиры пустуют, а где кто-то откликнулся.

– И что мы имеем? – спросил я у двух собравшихся соседей.

Двое мужчин с восьмого этажа вышли из своих убежищ и, оставив семьи, пошли помогать мне обходить квартиры. Возможно, каждый преследовал и личные цели, но лишние руки сейчас точно не мешали.

– На девятом ответила только одна квартира, – начал один.

– На восьмом две, – продолжил второй. – На седьмом все три. На шестом одна. На пятом три. А у последней мы ждали с минуту, потом услышали какие-то тихие хрипы и сразу поднялись к тебе на шестой.

Одному из них было далеко за пятьдесят. Его звали Анатолий. Боевой нрав у него мне понравился: выглядел он худым и слабоватым, но отсиживаться не стал и сам напросился помочь – за еду для жены, которая была чуть моложе его.

Второй был тридцатисемилетним мужчиной с озером посреди леса на голове. Звали его Александр. Он ничего не просил, только сказал, что хочет убедиться в безопасности семьи, и пошёл с нами. Его семья из квартиры не высовывалась, да и не всех соседей довелось знать в лицо. Неплохо отъеденное пузо Александра намекало, что голодал он явно меньше остальных.

– Если вы заглядывали на четвёртый этаж, то видели, что он перекрыт слабовато, – сказал я. – Ваши холодильники всё равно давно не работают. Если они не самые тяжёлые, давайте спустим их вниз. Или хотя бы какие-нибудь тумбочки.

– У меня холодильник не самый большой, – ответил Александр. – Зато идеально встанет от стены до перил. А тумбочка совмещена с письменным столом, не вариант.

– У меня примерно то же самое, – добавил Анатолий. – Только тумбочки и шкафы слишком старые. Хрупкие уже.

Мы наконец нормально представились, и оказалось, что единственный, кто не знал имён, – это я.

Договорились начать с холодильника Александра, пока пожилой Анатолий немного передохнёт, чтобы колени не стреляли и спина не ныла.

Мы остановились около моей новой квартиры. Под сверлящим взглядом Александра я вошёл внутрь и взял банку консервированных ананасов, пару батончиков и три более-менее приличные морковки. Передавая эти мелочи Анатолию, я заметил, как второй сосед жадно смотрит на еду.

Спрашивать у него ничего не стал. Сделал вид, что не заметил.

Спустя час мы дотащили последний холодильник. Анатолию было откровенно неприятно смотреть на трупы и находиться рядом с ними, а вот Александр только слегка повёл носом, будто для него это было чем-то привычным.

С нижних этажей всё ещё доносились шаги. Эхом по подъезду гуляли хлипы и неразборчивые стоны. Пузатого соседа это пугало больше всего. Меня же, наоборот, почти не трогало: эти звуки не прекращались с самого утра.

Перед тем как разойтись, я вспомнил их слова про квартиру, откуда доносились странные звуки.

– За этой баррикадой надо наблюдать, – сказал Анатолий, остановившись на ступеньках и обернувшись ко мне. – Не думаю, что она вечная. И нужен ещё один холодильник, чтобы сзади упереть всю стенку. Думаю, остальным соседям нужно время, поэтому через пару часиков пройдусь поспрашиваю.

Постучавшись и прислонив ухо к двери, не услышал в ответ ни звука. Хотя оба соседа говорили о каких-то хрипах.

Пришлось вернуться к себе за лопатой и граблями, а заодно прихватить спортивную сумку. Теперь всё было при себе: можно было выносить самое полезное.

С этой дверью пришлось возиться дольше обычного. Ржавчина не добралась до внутренних слоёв, и металл держался упрямо. В конце концов уже рукоятью лопаты пришлось вбивать замочную скважину вглубь. Только со второго захода, запыхавшись и успев немного передохнуть, дверь наконец удалось освободить от замка.

Потянув её за вмятину на себя, я почти полностью расслабился. Шума поднялось столько, что любой заражённый по ту сторону уже давно начал бы активничать.

Из соседней квартиры какая-то женщина через глазок спросила, что я делаю, и велела прекратить шуметь, если помогать не собираюсь. Противная, конечно. Но отвечать ей не стал.

Вход оказался завален стульями, и это сразу насторожило. Заглядывая через баррикаду вглубь коридора, никого не получилось заметить.

И только когда начал оттаскивать стул за стулом, увидел его.

На полу лежал пацан. Он медленно моргал и смотрел прямо мне в душу.

Я осторожно ткнул его клюшкой в плечо. В полной тишине он открыл рот и едва слышно прошептал:

– Еды… Воды.

Нездорово бледный, худой до жути, он оказался живым. Ну или почти живым.

Внутрь забегать не стал. Вместо этого рванул обратно к себе за остатками батончиков и чем-нибудь ещё. Перепрыгивая через ступеньки, едва не забыл про осторожность у двери. Сумка быстро наполнилась: бутылка сладкой газировки, батончики и ещё несколько мелочей, после чего пришлось поспешить назад.

Надеясь, что это не приманка и сейчас из угла не выскочит что-нибудь похуже, я осторожно приподнял пацана и прислонил его к стене. Только тогда стали заметны сухие, потрескавшиеся губы.

Сначала поднёс к его рту бутылку с водой, но он с надеждой в глазах медленно переводил взгляд то на меня, то на шипучую газировку.

– Пацан, ты сколько голодал? – спросил я, не особо рассчитывая на ответ.

В его состоянии давать сразу половину бутылки газировки казалось нерациональным. Газы могли вызвать что-нибудь нехорошее. Или не могли. Я не был врачом и подобные темы не изучал, разве что однажды смотрел сериал про психованного доктора.

– Не знаю, – с трудом выдохнул он.

Пока я стоял над ним и думал, можно ли давать ему твёрдые батончики и сможет ли он их вообще пережевать, пацан будто немного набрался сил: поднял руку и слабо дёрнул меня за штанину.

– Дядя… можно батончик? У вас в руке, – жалобно попросил он.

Разорвав упаковку, поднёс батончик к его рту. Он медленно поднял руку и забрал его сам. Было видно, как тяжело ему даже держать еду, не говоря уже о том, чтобы жевать. Но характер у мальчишки имелся: он явно хотел хотя бы это сделать самостоятельно.

Ну, против я не был.

Присев на стул напротив, начал заваливать его вопросами – скорее чтобы отвлечь от происходящего, чем ради немедленной пользы.

– В квартире, кроме тебя, есть кто-нибудь?

Он прожевал кусок, проглотил и отрицательно покачал головой.

– Почему ты один? – продолжил я задавать необдуманные вопросы.

– Я живу только с папой, – тихо сказал он. – Ему неделю назад позвонили с работы. Сказали срочно приехать на разгрузку товаров. С того дня он не возвращался. А я услышал страшные звуки и наставил стулья. Видел, как много людей бегают по улице и дерутся.

– Сколько тебе вообще лет? – быстро сменил я тему, поняв, что его отца, скорее всего, уже нет.

Пацану оказалось одиннадцать. Звали его Артём.

Жить с ним было бы обременительно. Не то чтобы сильно ненавидел детей, но и заботиться о нём нормально вряд ли смог бы.

Пока он доедал батончик, я прошёлся по квартире в поисках полезного. Но полезного почти ничего не оказалось. Холодильник пустовал. Артём съел всё, до чего смог дотянуться: овощи, фрукты, остатки из банок и судков. На кухне валялась чёрная кожура от бананов, высохшие корки апельсинов, огрызки яблок, пустые банки, тарелки и контейнеры.

Между комнатами, в коридоре, была закрытая исцарапанная дверь.

– Что это за дверь? – вернувшись к Артёму, спросил я.

– Там кладовка, – устало ответил он. – Папа приносил с работы много вкусняшек. Чтобы я не ел сладкое без спроса, закрывал её на ключ. Я пытался открыть, но не получилось.

На балконах и кухне действительно не нашлось ничего, чем ребёнок мог бы нормально выдолбить дверь. Судя по следам, насмотревшись мультиков, он ковырял замок ножом. А по маленьким дыркам в дереве стало ясно, что потом разозлился и просто бил ножом в дверь. Сломанное лезвие лежало отдельно от ручки прямо под ней.

Мне же вскрыть такую дверь труда не составило. Деревянная, хлипкая – такой она выглядела, такой и оказалась. Уже после второго удара дерево с хрустом проломилось. После пятого замочная часть вместе с куском двери провалилась внутрь кладовки.

Внутри нашлись боксёрские перчатки: одни новенькие, детские, слегка покрытые пылью, другие старые, потёртые и местами порванные. У стены стояла боксёрская груша. На полках: множество пустых банок и десяток домашних закруток. Ещё полтора ящика литровых соков двух вкусов. В углу лежали какие-то машинные компоненты, трубы, бутылки моторного масла разных марок и объёмов.

Глаза у меня прямо загорелись, пока я всё это осматривал.

Хотелось сразу перетащить добычу к себе, но сначала нужно было решить вопрос с пацаном.

– Давай ты пока поживёшь в более безопасном месте? – предложил я, присев перед ним на корточки.

Он оглянулся на дверь, потом на коридор.

– Если я пойду с незнакомцем, папа меня наругает, – ответил он.

– Я потом передам твоему папе, что ты у соседки. Хорошо? – соврал я.

После недолгих уговоров Артём всё же согласился. Самостоятельно идти он не мог – сил не хватало. Хотя уже то, что он ел сам и начал говорить громче, означало: малый крепкий.

Я спустился к Адель. Она казалась хорошей женщиной, да и детей, похоже, любила.

Постучал.

Сначала по ту сторону молчали.

– Это я, – сказал я негромко.

Дверь медленно открылась.

– Ещё не вечер. Что-то случилось? И кто это? – недоумённо спросила Адель.

Я не успел ответить, как из-за её спины выглянула радостная Даша.

– Привет, дядя Артур! Привет, Артём! – замахала она рукой.

Минут пять ушло на объяснения: про квартиру, про мальчика, про его отца. Сначала Адель не понимала, зачем пришёл именно к ней, но в конце всё же пришлось попросить оставить Артёма у неё. За его проживание я пообещал дать еды и воды.

– Почему у себя не оставишь? – непонимающе спросила она.

– Не уверен, что справлюсь с ребёнком, – признался я.

– Тётя Адель, можно Артём поживёт у нас? – Даша дёрнула её за штанину. – Я с ним часто во дворе играла. Он хороший!

Под таким двойным натиском Адель всё же согласилась.

Я передал ей худого мальчишку и уже собирался уйти, но она напомнила мне в спину про ужин.

В два захода принёс соседке ящик сока и десяток домашних закруток. Остальное забрал себе – в качестве платы за спасение пацана.

Сок был просрочен уже месяц, но на вкус это не повлияло. Переодевшись в чистое, прикорнул на диване в новенькой квартире. Ближе к вечеру всё-таки проснулся и собрался к Адель на ужин.

Из запасов выбрал бутылку вина. Немного покрутил её в руках, проверил пробку, зачем-то протёр от пыли рукавом. Хотелось выглядеть прилично, насколько это вообще возможно для человека, который за последние дни проломил несколько черепов, вскрыл чужие квартиры и прятал провизию по шкафам.

Я взял клюшку, привычно проверил поясную сумку и вышел.

На лестнице было тихо. Слишком тихо для дома, где ещё недавно каждый этаж отвечал шорохами, ударами, чужим дыханием и хрипами. Баррикада на четвёртом держалась, как временная задержка. Просто груда холодильников.

Спускаясь к Адель, я поймал себя на том, что почти расслабился. И зря.

У межэтажного окна вдруг резко потянуло ветром. Сквозняк прошёлся по лестничной клетке, зацепил пыль, старую ржавую стружку, запахи крови и сырости, а потом снизу поднялась такая вонь, что меня будто ладонью ударили по лицу.

Гниль. Сладкая, тяжёлая, трупная. С примесью серы, мокрой одежды, старого мяса и чего-то ещё, от чего желудок тут же болезненно сжался.

Я замер на ступеньке. Сначала подумал, что это трупы у баррикады. Потом, что ветер просто потянул с нижних этажей. Но запах становился плотнее, будто поднимался не сам по себе, а вместе с чем-то живым.

И тут снизу донеслись шаги. Не один. Не два. Много. Сначала глухо, будто кто-то лениво переставлял ноги на первом этаже. Потом чаще. Потом сразу десятками: шарканье, тяжёлые удары подошв, скрипы, хлюпающее дыхание, стуки тел о стены и перила.

Медленно повернув голову к маленькому межэтажному окну, уже во второй раз замер. Оно было мутное, старое, с облезлой рамой и пятнами грязи по краям. Через него обычно виднелся кусок двора, подъездная дорожка и часть клумбы, где раньше вечно ругалась та самая соседка с первого этажа.

Теперь там двигалась толпа...

Глава 8. Лучик солнца

Первые пять заражённых показались на межэтажном пролёте.

Завидев меня, четверо из них сразу ускорились, почти срываясь на бег. Пятый всё так же медленно ковылял по ступенькам.

Я встал у перил напротив баррикады и начал отбивать их клюшкой. Первые трое свалились довольно быстро. Но один – крупный, подкачанный, с надкусанными мышцами и оборванным рашгардом никак не умирал. Он снова и снова бился в холодильники, толкал их плечом, врезался всем телом.

Каждый его удар отдавался по этажу глухим молотом.

А между ударами снизу всё отчётливее нарастали шаги.

После очередного удара заражённый сорвался, покатился вниз по ступенькам кубарем. Я уже хотел выдохнуть с облегчением, но не успел. Он начал подниматься, теперь уже не на прежнем месте, а ближе к перилам.

Почти протирая стену плечом, он поднялся и снова принялся долбить холодильник.

Мне было неудобно бить у самой стены. Приходилось держать клюшку почти за край рукоятки, и каждый удар выходил слабым, жалким, бесполезным.

Пока я чесал затылок и пытался сообразить, что с этим делать, к нему подошли новые.

Они лезли по трое на одной ступеньке, толкались, давили друг друга, цеплялись за перила. Первая тройка споткнулась и рухнула вниз, но остальные даже не замедлились. Без капли сострадания они начали затаптывать собственных братьев и сестёр по заражению.

Что было дальше, я уже толком не знаю.

Я бежал.

– Не пытайтесь открывать двери! Толпа! – орал я, пролетая этаж за этажом.

Бежал и даже не думал оглядываться. У меня не возникло ни одной героической мысли вроде «надо продолжать отбивать». Казалось, заражённые уже несутся прямо за моей спиной. Я судорожно пытался провернуть ключ в замке как можно быстрее, но при этом аккуратно, чтобы не сломать его в самый неподходящий момент.

Уже в квартире, проверив глазок и никого за дверью не увидев, я немного расслабился.

Баррикада, на которую мы так рассчитывали, не продержалась и дня.

Попотев ещё немного, я перетащил из комнат тумбочки и закрыл проход хотя бы по пояс. Тащить холодильник, полный еды, казалось уже слишком расточительным. Что делать дальше, я не знал. Против такой толпы, казалось, не поможет вообще ничего. Любая дверь рано или поздно рухнет под их натиском.

В конце концов я махнул рукой на всё и пошёл освежиться на балкон.

К середине бутылки вина я уже почти расслабился и смирился с мыслью, что барахтаться дальше, возможно, нет никакого смысла.

Ближе к вечеру нынешних дней.

18 сентября 2029 года.

– Как-то долго они к тебе выдвигались, – сказала Ника, нависая над Артуром. – Можно даже сказать, что тебе повезло.

Он открыл рот, будто собирался ответить вслух, но передумал.

Зато подумал достаточно громко, чтобы мы все услышали.

«Если бы к нам поспешили быстрее, мы бы с тобой попали в один конвой. Хотя, думаю, я бы тогда не захотел тебя видеть…» – проворчал Артур.

– Как грубо, – фыркнула Ника. – А я бы, между прочим, была не против увидеть знакомое лицо.

Этот маленький бессмысленный спор вспыхнул из-за пустяка.

Напротив аллеи, недалеко от дома Артура, стоял банк, где работала Ника. Жила она тоже неподалёку от работы. Судьба распорядилась странно и жестоко: Артур ни разу не встретил её ни в банке, где регулярно оплачивал квитанции, ни на аллее, по которой почти каждый раз шёл пешком из зала.

В скучные дни он иногда вспоминал знакомых, которые жили в городе, и представлял, что сказал бы им при случайной встрече. Как начался бы разговор. Какими были бы первые слова. Но эти встречи так и не случились.

– Ты продолжать будешь? – спросила Ника, медленно ходя кругами прямо по воздуху. – Вокруг тихо. Можешь читать дальше. Мне очень интересно снова это услышать…

Артур ничего не ответил. Так и не успев толком отдохнуть, он снова раскрыл свои записи.

2 мая 2027 года

«Пил не просыхая. Последняя бутылка вина ушла перед сном. Спать на балконе оказалось холодно даже под одеялом и с пододеяльниками вместо подстилки. За дверью всё время ходили. Шагов было столько, что я сбился бы со счёта, даже если бы попытался считать.

Стресс не уходил даже во сне. А когда ночью кто-то начал ломиться уже в соседнюю квартиру, стало ещё страшнее. Один больной всё ещё бился ко мне, но длилось это недолго. Его будто отвлекло что-то другое. Мольба о помощи? Никогда не был верующим, даже в семье таких не было. И сейчас, поседев от стресса, молиться не стал: если Бог есть, почему допустил такое?

Батончиков больше не осталось. Последние овощи и фрукты были съедены. Из свежего оставалось только мясо, давно размороженное в морозилке, но готовить его было негде.

Предсмертные крики эхом разносились по этажу и доходили даже через всю квартиру до балкона. Потом где-то надо мной, словно стадо, пронеслись шаги. Я закрыл даже балконную дверь и, сам не заметил как, провалился в сон.

Ближе к восьми, когда солнце уже било в глаза через окна, я подорвался от страшных звуков. Нет, ко мне никто не ломился. И этому я был радостно удивлён.

Это были автоматные очереди.

Когда первая серия выстрелов прекратилась, я наконец соизволил приподнять голову. Во двор въезжала фура с приделанным спереди ковшом от трактора. Она проталкивала застрявшие на дороге машины, расчищая въезд.

Фуру сопровождал отряд из десяти военных. Они уверенно продвигались вперёд и расстреливали каждого больного, который попадался на пути. Особого сопротивления заражённые оказать не могли.

Когда фура доехала до двора и расчистила себе место для разворота, один из военных забрался на крышу. Он начал возиться с каким-то предметом в руках. Из-за расстояния я не сразу понял, что это, но когда он поднёс штуку ко рту, даже через закрытое окно до меня донеслись тихие писки.

Я открыл окно, и слова прозвучали уже чётко на румынском:

– Внимание! Выходите к окнам квартир. Скоро вас всех эвакуируют в безопасное место!

Он повторил сообщение ещё три раза, а потом убрал громкоговоритель и стал осматриваться в ожидание реакции.

В соседних домах к окнам тут же потянулись десятки людей. Выжившие, до этого прятавшиеся по квартирам, начали кричать, махать руками, звать на помощь. Но от этих криков мне стало только страшнее.

Я нырнул обратно в квартиру и, оставив балконную дверь чуть приоткрытой, прислушался. Внутри было тихо. Никого у меня не оказалось.

На цыпочках я прокрался к заваленной входной двери. Убрал верхние стулья, встал коленями на тумбочки и заглянул в глазок.

По этажу бродили пятеро заражённых. Они крутили головами, то отходили, то возвращались, постоянно меняясь местами с другими. Соседскую дверь из глазка вообще не было видно, а в противоположном предбаннике валялась ещё одна поваленная дверь.

Пока я торчал у глазка, военные куда-то пропали со двора. Паника тут же полезла в голову: ушли? Сбежали? Передумали нас вытаскивать? Но додумать я не успел. Из подъезда вышел солдат, занял позицию у входа и стал охранять дверь.

Людей они сразу не выводили. Сначала заходили внутрь, исчезали в тёмных провалах подъездов, а через несколько минут оттуда доносились короткие очереди, чьи-то крики доносились через пол двора, расходясь эхом. Потом военные выходили обратно, переговаривались, указывали куда-то руками и двигались к следующему подъезду.

Люди с автоматами не спешили вытаскивать нас наружу, значит, снаружи всё ещё было плачевно.

Закончили чересчур быстро второй подъезд в соседнем доме. Военный вышел первым, держа автомат наготове. За ним вдруг показался мужчина с пивным пузом, в тёмной водолазке и домашних штанах. В руке у него был молоток.

Мужчина что-то горячо доказывал солдату, часто размахивая свободной рукой. Наверное, требовал вывести его первым. Или что-то дать. Или объяснить, почему они делают не так, как он придумал за неделю сидения на диване.

Солдат, видимо, устал от споров. Не слышав, меня это уже вымотало.

Он резко поднял оружие и направил ствол мужчине в грудь. Пивное пузо сразу сдулось. Мужчина поднял обе руки, молоток чуть не выронил и медленно отступил обратно в подъезд.

– Идиот умудрился продлить свой срок, – пробормотал я.

Но пока они спорили, другие военные уже повернулись в сторону моего подъезда.

И тут началось.

Автоматы ударили разом. Будто кто-то открыл кран, только вместо воды из него полились пули. Очереди наверняка били по входу, по ступеням, по тем, кто уже успел выбраться наружу или только пытался вылезти из подъезда.

Я инстинктивно отпрянул от окна. В открытое окно снизу донёсся вой, хрип, мокрое бульканье и звук падающих тел.

Военные отступили немного назад, ближе к детской площадке, на самое открытое место двора. Там они встали почти кругом и начали отстреливаться со всех сторон. Больные полезли не только из моего подъезда, но и из соседних. Кто-то вываливался через дверные проёмы, кто-то выбирался из окон первого этажа, кто-то просто шатался между машинами и вдруг срывался на бег, заслышав выстрелы.

Водитель фуры тоже выбрался наружу. Далеко от транспорта он не отходил, но, когда к нему подбирались слишком близко, поднимал автомат и помогал остальным. Стрелял он хуже, чем солдаты, зато очень старательно.

Это был тот самый момент, когда стоило поверить и помолиться чтобы спасители справились.

В какой-то момент всё прекратилось. Сначала реже стали звучать очереди. Потом одиночные выстрелы. Потом ещё один. И тишина.

Я снова подкрался к двери и заглянул в глазок. На этаже всё ещё бродили пара заражённых. Один медленно тёрся плечом о стену, другой стоял возле поваленной двери и хрипло втягивал воздух. Сверху доносились новые шаги. Десяток, может, больше. Они медленно спускались по лестнице; некоторые спотыкались, теряли равновесие и кубарем катились вниз по ступенькам.

Я поспешил к своему наблюдательному пункту. Военные на какое-то время пропали из моего поля зрения.

Почесал репу, пытаясь понять, какой подъезд они выберут следующим. Во дворе они уже не стояли кучей. Фура осталась на месте, солдаты разошлись. Я успел подумать, что они, может, пошли к соседнему дому, как вдруг по этажам разнеслись звонкие, свистящие звуки. Короткие, повторяющиеся выстрелы.

Я замер в ступоре. Сначала решил, что это у меня в голове от стресса пищит. Потом свист повторился ближе. Снизу.

Я прилип к глазку.

Послышались ободряющие шаги. Не шарканье больных. Другие. Тяжёлые, человеческие, на которые я уже успел положиться.

На этаж поднялось пятеро военных. Один остался у лестницы и сразу взял под контроль пролёт, направив автомат вверх. Четверо других быстро распределились по предбанникам. Двигались они осторожно. Один стучал в двери, второй проверял выбитые квартиры, третий

держал оружие наготове, четвёртый заглядывал в каждый тёмный угол так, будто уже видел там всё самое плохое.

Я ждал, когда они подойдут поближе. Наконец переступив раму предбанника, выкрикнул солдату:

– Аккуратно, рядом выбитая дверь. В соседней квартире до этого кто-то жил.

– Сколько вас? – прозвучало снаружи по-русски, но с заметным акцентом.

– Один! – сразу ответил я.

Снаружи на секунду стало тихо. Потом тот же голос произнёс:

– Отойдите от двери. Не открывать.

Я послушно отступил. Военные зашевелились за дверью. Послышались короткие команды, уже на румынском. Потом шаги сместились к соседней квартире.

Я стоял в прихожей, сжимая клюшку, и обрабатывал, насколько глупо она выглядит рядом с автоматом.

Из-за стены донёсся глухой удар. Секундная гробовая пауза. И ещё один удар. Потом ещё пять таких же тяжёлых, коротких, будто кто-то добивал мешок с мокрым песком. После этого раздался один одиночный выстрел.

Через минуту снова постучали уже в мою дверь.

– Спасибо за информацию, – сказал военный. – Там было два заражённых. Если бы вошли без предупреждения, было бы хуже.

– Да не за что, – ответил я, сам удивившись, как глупо это прозвучало.

– Готовьте сумку. Скоро выход. Берите основное. Еду, воду, лекарства. Любое личное оружие тоже берите. Но в руках не держать, пока не скажем.

– Понял.

– Когда придём за вами – открываете сразу. Без резких движений.

– Понял, – повторил я.

Шаги ушли дальше по этажу.

Я несколько секунд просто стоял у двери и слушал, как они проверяют соседей. Потом будто очнулся от короткого сна. Сумка. Еда. Оружие.

Я метался по квартире, запихивая в рюкзак всё, что уже давно было собрано, но всё равно казалось недостаточным. Остатки еды, воду, ножи, мультитул, батончики, пару банок, что помещались сверху. Клюшку оставил рядом. Потом передумал, взял вторую. Потом понял, что две тащить будет неудобно, и снова оставил одну. Натянул рыбацкую шляпу с маской. В итоге получилось две сумки. Была бы возможность – набил бы и третью.

Мозг начал суетиться так, будто от выбора клюшки зависела судьба человечества. Когда солнце уже шпарило в своём максимальном полуденном режиме, за дверью снова послышались шаги.

– Выход! – коротко приказал военный.

Не проверяя глазок открыл. Ниже этажом уже стояли люди. Бледные, помятые, с сумками, пакетами, рюкзаками и лицами, на которых одновременно жили надежда и страх.

Я сразу увидел знакомые лица. Адель выглядела истощённой, будто за эти дни похудела не телом, а самим взглядом. Она держала Дашу за плечо, а рядом стоял Артём, всё ещё слабый, но на удивление бодрый. Дети, в отличие от взрослых, выглядели почти приподнято. Для них происходящее, похоже, стало не только ужасом, но и настоящим выходом из клетки.

Александр тоже был здесь, один. Я невольно посмотрел за его спину, ожидая увидеть жену, детей – тех самых, ради безопасности которых он якобы ходил с нами. Но рядом с ним никого не было. Он держал одну сумку и смотрел по сторонам, отводя взгляд, будто боялся отвечать на вопросы. Или не придумал ответы.

Анатолий стоял чуть дальше, поддерживая под руку свою пожилую супругу. Та была такая же сухая, усталая и упрямая, как он сам. Они смотрелись странно спокойно, как люди, которые уже пережили слишком много, чтобы удивляться новому кошмару.

– Не останавливаться, – сказал солдат. – Идём вниз. Быстрым шагом, без бега.

Мы послушно пошли.

Я ожидал увидеть на лестнице ад. И он там был, только уже прибранный. Тела заражённых лежали вдоль стен, на ступеньках, у баррикад, возле выбитых дверей. Где-то ещё текла тёмная кровь, где-то уже подсыхала. Пахло порохом, гнилью, ржавчиной и потом живых людей.

Даша крепче вцепилась в Адель, хотя сама Адель держалась уже на одном упрямстве. Лицо у неё побледнело, дыхание сбилось, и казалось, ещё немного – она просто осядет на полу.

По-детски повиснув на руке, Даша держалась на удивление храбро – куда храбрее взрослых. Она отворачивала лицо, но не могла отвести глаз от мёртвых тел.

Во дворе нас погнали к фуре. Там уже стояли жители ближайших домов. Кто с пакетами, кто с детьми, кто с кошками в переносках, кто вообще без ничего. Людей было много. Слишком много для такого двора, такого солнца и такого количества оружия вокруг.

На дорогу, не заезжая во двор, подкатил автобус.

Старый, пыльный, но целый на ходу. Людей начали загонять внутрь. Не рассаживать. Не распределять. Именно запихивать по-другому тяжело сказать. Как кильку в банку.

Я оказался где-то в середине толпы, зажатый между чужим рюкзаком, локтем старика и женщиной, которая всё время повторяла, что забыла дома лекарства. Воздух в автобусе моментально стал душным. Кто-то плакал, кто-то ругался, кто-то молился. Дети спрашивали, куда мы едем. Взрослые делали вид, что знают ответ.

У кабины водителя стоял военный и пытался перекричать весь этот шум.

– Тихо! Успокойтесь! Все успокойтесь!

Его почти никто не слушал. Тогда он ударил ладонью по металлической перегородке, и звук получился достаточно громким, чтобы люди хоть на секунду притихли.

– Вас везут в лагерь Когэлничану! На румынской авиабазе! Там безопасная зона, проверка, вода, питание! Не вставать, окна не открывать, без команды не выходить!

Салон снова зашумел. Название «Когэлничану» мне почти ничего не говорило – без чёткого понимания места оно оставалось просто набором звуков. Хотелось услышать хоть что-то конкретное, а не общий успокаивающий шум.

– Вы румыны? – спросил я на румынском.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, потом кивнул.

– Часть, да. Часть ваших. Местные власти первыми запросили помощь. Союзная страна откликнулась. Наши войска вошли, потом к обратному выходу уже не успели. Теперь двигаемся вместе с вашими и румынскими отрядами.

Говорил он на румынском, но иногда вставлял русские слова – ломаные, неровные. Мог бы и не пытаться. Я понимал его нормально. Но за эту попытку стало почему-то неловко и даже немного благодарно.

– А что насчёт других районов? И городов? – спросил я.

Военный молчаливо задумался.

– Это информация вне моих полномочий, – ответил он уже осторожнее. – Могу сказать только, что часть отправили к нижним домам около банка и супермаркета. Возле маркета предположительно больше припасов. Такие люди пригодятся в дороге. Второй отряд ещё часа три назад закончил и отбыл.

– Мы их догоним?

– Маловероятно.

Я сжал ремень рюкзаков в ногах.

Глупая мысль мелькнула и тут же исчезла. Искать кого-то среди эвакуированных из другого района, в другом автобусе, после начала ада – это было даже не надеждой. Так, остаточный тик мозга.

– Сколько ехать? – спросил я.

– Часов восемь. В лучшем случае семь, если дорога не перегорожена.

Восемь часов в забитом автобусе, полном людей, страха, пота и непослушания. Кто-то всё-таки открыл окно в середине автобуса. Откуда подуло свежим воздухом.

Прекрасно.

Я хотел спросить, как у них вообще ещё работает транспорт. Почему автобус в таком неплохом состоянии. Где они берут топливо. Как защищают двигатели от этой ржавой дряни. Но вопрос застрял где-то в горле. Солдат и так рассказал больше, чем был обязан. Да и в такой обстановке спрашивать про техническое состояние автобуса казалось почти неприличным.

Глава 9. Остановка на М3

Каждые сто метров автобус на что-нибудь наезжал и тяжело подпрыгивал. Проехали мы не так далеко, как могло показаться: за первый час удалось лишь выбраться из города.

Ко второму часу я уже начал дремать стоя. Атмосфера в салоне становилась всё тяжелее, особенно когда военный в очередной раз приказывал не смотреть в окна. Стоит только запретить людям что-нибудь делать, и сразу всем становится интересно, что именно от них пытаются скрыть.

Любопытство быстро вытеснило сонливость. Разглядеть что-либо через головы пассажиров было трудно. Мне удалось заметить только поднимающийся вдали столб чёрного дыма. Почти сразу после этого по салону прокатился резкий запах гари, смешанный с тошнотворной сладостью. Оставалось только строить догадки.

Через некоторое время мне удалось протолкнуться ближе к переднему стеклу. Сразу стало понятно, почему военные так уверенно выбрали именно этот маршрут: дорогу здесь уже расчистили, столкнув брошенные машины к обочинам. Возле помятого транспорта бродили мертвяки. Сначала они резко реагировали на грохот фуры, и некоторые срывались следом за ней. Но догнать её не могли. Заметив более медленную вторую цель, они тут же переключались на наш автобус. Те, кто стоял особенно близко к дороге, протягивали к нам руки. Через мгновение от этих рук оставались только окровавленные обрубки.

Водитель постучал по перегородке и подозвал солдата.

– Старший сержант, у нас проблемы, – сказал он достаточно тихо, чтобы услышало как можно меньше людей.

Я, стоявший почти у самой кабины, конечно же, услышал. Начал всматриваться в дорогу, пытаясь найти эту самую проблему, но ничего необычного не увидел. Машин на обочинах становилось всё меньше. В полях встречались лишь одиночные заражённые. До меня долго не доходило, чего именно они опасаются. Понял только тогда, когда продолжил подслушивать их разговор.

– Тучи движутся в нашу сторону, – требовательно сказал сержант. – Здесь поблизости есть тоннели или ангары? Сколько до ближайшего населённого пункта?

– Примерно полчаса езды, – ответил водитель по-румынски, с заметным местным акцентом. – Тоннелей в стране вообще нет. Развернуться тоже не получится: слева слишком мало места.

Сержант замолчал секунд на десять. Потом, очевидно приняв решение, приказал:

– Посигналь капралу. Останавливаемся и накрываем машины тентами.

Водитель дважды коротко посигналил. Под возмущённые крики пассажиров автобус начал останавливаться. Передняя дверь открылась, прижав меня и стоявшего рядом парня к

стеклу. Сержант вышел наружу, быстро осмотрелся и направился к фуре. Её двери распахнулись. Около полминуты военные что-то обсуждали.

Их разговор прервал заражённый, показавшийся из кювета. Заметив живых, он неровной трусцой заковылял к фуре.

Сержант вталкивая водителя вглубь кабины, занял левое водительское место фуры. Мне стало интересно, как внутри кабины вообще умещались не меньше восьми человек.

Заражённый добрался до машины и начал колотить по двери. Из кабины высунулась чья-то голова. Мертвяк сразу переключился на неё и потянулся единственной целой рукой. Вместо второй у него торчала неправильно вывернутая культя с обнажённой костью.

Голова тут же нырнула обратно, исчезнув внутри. Через три секунды появилась снова, теперь вместе с короткой армейской лопатой.

Военный первым ударом отбил тянущуюся руку, а вторым обрушил лопату заражённому на голову.

Толпа позади продолжала галдеть. Лишь люди в передней части автобуса молча наблюдали, как солдат выходит из фуры с окровавленной лопатой. Стряхивая с неё кровь, он что-то объяснял, активно жестикулируя и время от времени показывая на автобус. Из фуры выбрались пятеро военных. Ещё двое остались в кабине: один разговаривал с сержантом с водительского места, а второй расслабленно высунул руку из окна и постукивал пальцами по крыше.

К нам направились трое. Один с укороченным автоматом наперевес, двое других тащили толстый синий рулон.

Солдат с автоматом прошёл мимо нас с парнем, будто мы были частью салона, и наклонился к водителю. Они несколько секунд переговаривались шёпотом. Водитель кивнул, порылся под сиденьем и вытащил поясную сумку, из которой торчала рукоять пистолета. Он попытался открыть остальные двери, но давления в системе не хватало. Заводить двигатель ради этого он не стал. Вместо этого попросил нас выйти и занял наше место у передней двери.

Мы с парнем растерянно остановились рядом с солдатом, прижав рюкзаки к ногам.

– Что происходит? – набравшись смелости, спросил я у военного на ломаном румынском.

– В нашу сторону движутся тучи смерти. Нужно укрыться и обязательно накрыть транспорт, – с лёгкой усмешкой ответил он на русском.

Я удивлённо посмотрел на него.

– А вам не запрещено такое рассказывать? – уже тише спросил я, тоже переходя на русский.

– Наверное, в уставе нет чётких пунктов на случай апокалипсиса, – неопределённо ответил он.

Немного подумал и продолжил:

– На паникёра вы не похожи, раз решили задавать вопросы человеку с автоматом. И сразу отвечу на следующий: «тучи смерти» – это наше местное название. Чёрт ногу сломит, как их там в штабе называют. В общем, эти багровые облака переносят какую-то дрянь.

Он снова посмотрел на кювет.

– Однажды мы возвращались поздно вечером после расчистки дорог на временную базу. Накатили багровые тучи, и начался ливень. Мы кое-как припарковали машину перед входом и бросились внутрь здания. Всё перекрыли… Ладно, пропустим ненужные подробности. На крыше оставили двух дежурных…

Молодой солдат оборвал рассказ и настороженно прислушался.

Говорил он шёпотом и постоянно оглядывался, направляя укороченный автомат в сторону кювета. Я тоже посмотрел туда и едва не подпрыгнул от резких хлопков, раздавшихся из автобуса.

Это водитель бил ладонью по перегородке, привлекая внимание.

– Ситуация сложная! – громко объявил он. – Дальше ехать нельзя, поэтому придётся ждать прекращения дождя на дороге. Машины мы накроем тентами для защиты от дождя. Вас слишком много, чтобы все могли остаться в салоне. Внутри остаются дети, женщины и пожилые. Остальные будут сидеть снаружи, под навесом. Под дождь выходить нельзя! Повторяю: никому не разрешается выходить под дождь! Тот, кто выйдет, завтра с нами никуда не поедет! Если потребуется, будем ночевать тут!

Он повторил объявление на русском и румынском и, перекрикивая возмущение пассажиров, начал выводить из автобуса мужчин и молодых парней.

Не знаю, сколько нас было точно, но действительно много. Я с сомнением смотрел на синий рулон, который двое солдат уже начали разворачивать, и не представлял, как мы все должны под ним поместиться.

Молодой военный, который ещё недавно весело разговаривал со мной, моментально изменился. Нахмурился и начал грубо командовать.

Сначала он отвёл всех на пару метров от автобуса. Только когда солдаты полностью накрыли машину, нам разрешили заходить под тент и тесниться в узком пространстве вдоль борта. На первый взгляд места там почти не было. Люди заходили и останавливались, согнувшись, не понимая, куда двигаться дальше.

Я тоже сначала растерялся.

Потом какой-то пожилой мужчина, громко ругаясь, полез под автобус, где оказалось достаточно свободного пространства. Остальные быстро последовали его примеру. Когда место под днищем закончилось, люди начали садиться и ложиться рядом с колёсами.

В итоге поместились все.

Услышав, насколько опасен дождь, я тоже хотел забраться поглубже. Но лежать в тесноте под автобусом среди незнакомых мужиков желания не возникло.

Я остался возле передней двери. Прислонил один рюкзак к колесу и сел на него поудобнее, а второй положил под ноги.

По сравнению с многочасовым стоянием в переполненном салоне это почти напоминало отдых.

Молодой солдат устроился рядом на автобусной подножке. Двое других продолжали суетиться снаружи, прижимая края тента камнями и разными тяжёлыми предметами, чтобы уменьшить щели.

– Я ведь так и не представился, – прошептал солдат, немного наклонившись ко мне. – Младший сержант Александр.

– Артур, – ответил я и протянул ему руку. – Приятно познакомиться.

Он пожал её.

– На чём я остановился?

– Вы оставили двух дежурных на крыше.

– Точно. Значит, утро выдалось жарким. Причём в прямом смысле. Все, кто попал под дождь, начали жаловаться на слабость. У кого-то поднялась температура. Мы пошли менять караул на крыше, а там уже всё.

Он провёл пальцем по горлу.

– Оба превратились в заражённых. Убили их без особых проблем. Потом осмотрели тела – ни укусов, ни царапин. Зато открытые участки кожи, на которые попал дождь, покрылись волдырями. Мерзкое зрелище.

Александр немного помолчал.

– Но эти двое были ещё половиной беды. Машину мы оставили прямо перед входом. После дождя ей пришёл конец. Двигатель буквально рассыпался кусками, а крышу можно было проткнуть пальцем, если хорошо надавить.

Он запнулся, будто заново прокручивая это в голове.

– Я до конца не был уверен, – сказал я. – Но во время прошлого дождя тоже заметил кое-что странное… А вы не знаете, когда всё это началось?

Саша задумался, слегка пожал плечами и ответил:

– Не знаю.

Разговаривали мы тихо. По крайней мере, мне так казалось.

– Как это не знаете? – неожиданно вмешался неизвестный старик с густыми седыми бровями. – В новостях говорили, что всё началось примерно шестого апреля!

Младший сержант повернул голову.

– А вы, простите, кто такой, чтобы вмешиваться в наш разговор? – грубовато спросил он.

Старик выпрямился, насколько смог. Его отдернула пожилая супруга сидящая рядом.

– Сынок, я полковник в отставке. И этими игрушками, которые у тебя в руках, ещё в наше время пользовались. Я думал, укороченные советские АК уже заменили современными автоматами.... Удивительно живучие вещи делали раньше.

Саша сразу подобрался и опустил голову, заметно поумерив своё недавнее высокомерие.

Мне его реакция мало что объяснила. В армейских званиях я не разбирался: сам не служил и никогда особенно этим не интересовался. Но, судя по лицу Александра, старик только что представился кем-то очень важным. Особо общаться было не о чем, да и силы хотелось экономить, поэтому напоследок спросил, где второй автобус, который, по их словам, выехал раньше.

– Связи нет. – Он пожал плечами. – Но они, видимо, где-то застряли. Мало мертвяков на дороге было, а они обычно там и остаются, если не догоняют машину.»

Тот же вечер нынешних дней

18 сентября 2029 года

Блокнот упал Артуру прямо на лицо.

Он перечитывал некоторые строки и не заметил, как пальцы перестали удерживать потрёпанные страницы. Всё пытался понять, где именно и кто должен был появиться, но воспоминания то и дело затуманивались. Вместо них накатывали обрывки эмоций, оставляя после себя одну лишь горечь.

– Ну-ну, успокойся. Не перенапрягайся, – Ника провела ладонью по его волосам. – Ты ведь так любишь отдыхать и лениться. Почему же сейчас так упорно что-то ищешь?

Софья в последнее время появлялась всё реже. Иногда Артуру казалось, что она обиделась и теперь просто не хочет его видеть. Он размышлял и об этом, хотя никак не мог вспомнить, чем именно мог её задеть.

Даже мы слышим не все безмолвные слова Артура. Порой ему удаётся спрятать их даже от самого себя.

Но сейчас один вопрос звучал слишком отчётливо:

«Соня, а ты что думаешь?»

Он повторял его снова и снова, словно звал её. Но отвечать никто не спешил. Даже не дождавшись ответа, Артур слегка улыбнулся, поднял блокнот и перелистнул страницу.

Затем продолжил читать и переписывать.

Где-то на трассе М3

2 мая 2027 года

«Просидели мы так минут тридцать.

Некоторые уже начинали бунтовать и требовали немедленно ехать дальше. Хорошо, что спусковой крючок нажимался всего одним пальцем. Именно это пока и удерживало самых отчаянных идиотов от необдуманных поступков.

Два-три дурака – не проблема. Но таких здесь набралось слишком много. Дуракам везёт, иначе и не скажешь. Им повезло пережить первые недели. Повезло дождаться военных. Повезло попасть в автобус, который сумел выбраться из города.

Будь у солдат один автомат, толпа, возможно, уже попыталась бы его отобрать. Но военных рядом было трое, не считая водителя с пистолетом. Я видел эти взгляды. Беспокойные, жадные, постоянно что-то высчитывающие.

Возмущённые голоса перекрыл стук первых капель дождя. Они тяжело забарабанили по тенту, и с каждой минутой шум становился всё сильнее.

Возгласов постепенно поубавилось.

Правда, в салоне всё ещё оставался десяток женщин, которые требовали немедленно продолжить путь. Они кричали, что обычный дождь никому не может навредить, а военные просто используют его как предлог. Потом начались теории. Одна другой безумнее. Якобы нас специально остановили. Что мужчин вывели из автобуса не просто так. Будто военные собирались сделать с женщинами что-то ужасное.

Я повернулся и заглянул в салон, желая увидеть реакцию водителя. Тот уже закрыл дверь кабины и растёкся по сиденью. Лицо прикрыл ладонями, но даже так было заметно, насколько сильно его всё это раздражает.

Всё тело затекло. Сонливость, только начавшая возвращаться, снова исчезла под напором женских голосов и новых теорий.

Какие-то трёхцветные коты, карты и ещё непонятно что якобы подсказали им, какую страшную судьбу готовят военные.

От всего этого бреда я впервые за долгое время всерьёз задумался: а вдруг последний месяц мне просто снится? Вдруг на самом деле я лежу в коме после того, как меня сбила машина, когда я перебегал дорогу к Яне и Лёше? Это хотя бы что-то объяснило.

Младший сержант, сидевший на пороге, заметил, как я поднялся, и непонимающе посмотрел на меня.

Я упёрся ладонью в корпус автобуса и просунул голову в салон. Уж очень хотелось увидеть тех, кто устроил этот спектакль.

На мой взгляд обратили внимание только трое: старик-полковник, его жена и Саша.

К гаданиям и теориям тем временем присоединялось всё больше пассажирок. Их голоса уже почти перекрывали ливень. Солдат тоже привстал и посмотрел в ту же сторону, пытаясь разглядеть источник шума.

– Посмотрите, что тут выпало! Они точно хотят… – начала одна из женщин лет тридцати. Девушкой её уже трудно было назвать.

Я посмотрел на неё внимательнее и не смог сдержать смех. Следом рассмеялся и Саша, до этого старательно делавший вид, что не слышит происходящего.

Конечно, судить людей по внешности неправильно, а смеяться над их убеждениями – неполиткорректно. Но здесь передо мной стояло живое воплощение идиотизма: коротко стриженная толстушка с выбритым виском и небрежно прокрашенными корнями. Вся её вызывающая внешность предупреждала, что с ней лучше не связываться.

Она с таким рвением настраивала остальных женщин против защищавших их солдат, будто именно военные были главной угрозой, а не заражённые. Конечно, где-то так посреди хаоса так и было, но сейчас точно нет.

На наш смех отреагировали сразу. Женщины замолчали и уставились в нашу сторону. Две не самые приятные на вид представительницы их маленького клуба подняли пальцы, собираясь что-то высказать, но Саша словно прочитал мои мысли и опередил их:

– Женщины, успокойтесь. Особенно вы, – он указал на самых громких. – Поверьте, до вас троих здесь вообще никто не собирается прикасаться. Вы только шум разводите. Заражённые отлично реагируют на звуки, поэтому сидите тихо и не привлекайте их!

Троица возмущённо запыхтела. Их лица показывали, что яда в жвалах накопилось ещё на несколько часов спора, но автомат на груди солдата помог им благоразумно промолчать.

Вытирая выступившие от смеха слёзы, мы с Сашей уселись обратно.

– Нет, ты слышал? – прошептал Саша. – Мы. Их. Тронем.

Он недоверчиво покачал головой.

– Не уверен, что даже в самой безвыходной ситуации стал бы думать о чём-то подобном. Ладно, эти трое явно давно друг друга знают. Но почему остальные начали их слушать?

– Тоже не понимаю, – ответил я.

Снаружи дождь продолжал усиливаться.

Глава 10. Груз

Дождь внезапно усилился и забарабанил по натянутому тенту. Где-то вдали сверкнула молния, и её бледный свет на мгновение проступил сквозь синий брезент. Мне надоело сидеть, упираясь спиной в рюкзак, и Саша любезно подвинулся, освобождая немного места на подножке.

Он начал тихо расспрашивать меня о жизни: кто я, чем занимался, как жил до всего этого и кого успел потерять. Среди военных он казался самым молодым. Как оказалось, так и было. Изначально Саша служил обычным срочником, но благодаря связям наверху его быстро повысили. Именно поэтому некоторые присутствовавшие здесь деды его недолюбливали.

Двадцатилетний парень оказался вполне толковым. До армии он мечтал стать преподавателем, но отец категорически запретил ему даже думать об этом. Так Саша сначала оказался в казарме, а потом – здесь, под разъедающим дождём посреди дороги, окружённый мертвецами и перепуганными гражданскими.

С отцом у него были отношения, близкие к ужасным. Саша почти не надеялся, что тот выжил, но бросать всё и отправляться на поиски родни тоже не собирался. Он делился своими историями и ждал того же от меня.

Пришлось признаться, что мы почти ровесники: я был всего на три года старше. Рассказать больше не успел. Над нами прокатился очередной удар грома, а следом на тент навалились сразу двое заражённых. Камни, которыми солдаты прижали края брезента, заскрежетали и поползли в стороны.

Мужчины, лежавшие под автобусом прямо под мертвяками, молча рванули глубже. Толкая друг друга локтями и коленями, они забивались под днище, прикрывая рты ладонями, чтобы случайно не закричать. Мне самому отчаянно захотелось запрыгнуть вглубь салона.

Саша медленно поднялся, положив палец на спусковой крючок. Согнувшись почти пополам, чтобы не задевать головой брезент, он замер и стал ждать. Я несколько раз показал ему два пальца, а потом указал вверх, пытаясь объяснить, что заражённых нужно убить.

Солдат покачал головой. Стрелять он не собирался. Мертвецы водили руками по тенту без особого интереса. Пальцы лениво скользили по мокрому брезенту, иногда цепляясь за складки. Это выглядело странно. Все заражённые, которых я видел раньше, сразу бросались на звук: били, ломали, бежали, тянулись к людям. Эти же едва шевелились, словно дождь лишал их сил или сбивал с толку. Один из них уже перестал царапать тент и начал отходить. И именно в этот момент из салона раздался женский визг.

Я резко повернулся к той дуре, которая решила сообщить всей округе, что внутри автобуса полно живых людей. Это оказалась одна из участниц недавнего гадательного кружка. Она вскочила с места и, расталкивая сидевших у стены детей, принялась рыться в сумках. Затем с воплем вытащила нож и направила его в сторону заражённых, словно собиралась заколоть их через брезент.

Мертвецы услышали прекрасное женское щебетание. И сразу ожили. Они начали яростно хрипеть, давить на тент всем телом и тянуть его на себя вместе с камнями. Брезент провалился внутрь, едва не накрыв лежавших под ним людей. Двое солдат одновременно подняли оружие. Один отсчитал пальцами до трёх. Оба выстрелили.

В замкнутом пространстве грохот оказался оглушительным. Заражённые рухнули на тент, а сквозь пробитые пулями отверстия внутрь потекла мутная дождевая вода, смешанная с кровью.

– На выход! – рявкнул Саша. Переступив через меня, он направил автомат на истеричку и приказал ей покинуть салон.

Мне хотелось его остановить. Сказать, что под дождём она заразится. Что он фактически отправляет её на смерть. Что это неправильно, как бы глупо она себя ни вела. Она всё ещё оставалась человеком. Слова застряли где-то в горле. Я не смог выдавить даже хрип. Может, испугался направленного оружия. А может, страх за собственную жизнь оказался сильнее жалости. Я убеждал себя, что с такими людьми, которые сеют раздор и совершают подобные глупости, далеко мы не уедем. Меня не отпускала мысль, что именно из-за таких, как она, мы можем не пережить даже эту ночь.

Несколько пожилых женщин и стариков тут же попытались за неё вступиться, но в спор вмешался водитель.

– Кто хочет оставить эту истеричку в автобусе, поднимите руки! – он водил пистолетом из стороны в сторону. – Я каждому сразу сделаю новый глаз во лбу! Кто не желает сотрудничать с военными и считает, что справится лучше, можете вставать и отправляться кормить заражённых. Они наверняка голодные!

Возмущение моментально стихло. Почти у всех. Ещё одна участница клуба трёхцветного звёздного кота продолжала что-то доказывать, встав рядом со своей подругой. По лицу водителя пробежала тень сомнения. Он явно не знал, что делать дальше, и совершенно точно не хотел стрелять в женщин на глазах у детей. Но обе продолжали кричать, обвинять военных и требовать немедленно ехать дальше.

– Остановитесь! – выкрикнула пожилая женщина, сидевшая неподалёку. – Здесь дети! Они сами уйдут, как только закончится дождь. Я права?

Две женщины не ответили. Они продолжали возмущаться и перебивать друг друга. Из-под автобуса уже выбрались трое мужчин. Ругаясь, они направились к передней двери, явно собираясь помочь военным.

Водитель и Саша немного успокоились и опустили оружие.

– Стойте там! – начал младший сержант.

– Сделаете хоть шаг к выходу, прострелим колени, – закончил за него водитель. – Когда дождь прекратится, вы обе покинете автобус.

Женщины продолжали захлёбываться возмущением, но теперь их просто игнорировали. Из-за криков никто не заметил, что дождь постепенно начал стихать. Не заметили и ещё одного заражённого, пришедшего на шум. Солдаты увидели его первыми и сразу застрелили. От неожиданного выстрела обе женщины снова взвизгнули, а я подпрыгнул на месте.

Водитель вернулся в кабину. Саша остался в проходе, посматривая то на нарушительниц, то на пробитый тент.

Через полчаса дождь полностью прекратился.

Мужчины и парни начали выползать из-под днища. Один из солдат переступил через меня и подошёл к Саше. Они склонились друг к другу и заговорили шёпотом, несколько раз коротко кивнув.

– ... эт... еб..н..и неуправля.. ..няем. Доложи ..ршему ч.. два пассажира пред..ют оп..н..сть. – Больше я разобрать не смог.

Саша вышел наружу, а его место у двери занял водитель. Двое военных достали из карманов перчатки. Надев их, они стащили тела заражённых с тента и по скатывающимся звукам сбросили в кювет.

Отряхивать брезент не стали. Свернули его в толстый мокрый рулон и понесли к фуре, с которой уже сняли укрытие. Оба солдата переговорили со старшим сержантом. Тот выслушал их, кивнул в сторону автобуса и показал несколько жестов.

Получив приказ, военные пересекли дорогу, спустились в левый кювет и вскоре исчезли из виду. Я пытался понять, зачем они туда пошли, когда заметил краем глаза приближающегося человека. Старший сержант медленно направлялся к автобусу. Остановившись метрах в пяти от двери, он коротко кивнул Саше и замер, словно чего-то ожидая.

– Вышли! Обе! – приказал водитель, направляя пистолет в салон.

Оба сержанта внимательно следили за столпившимися возле автобуса мужчинами.

Я стоял с самого края толпы и ждал, когда мы наконец поедем дальше. От мысли, что военные собираются бросить людей посреди дороги на произвол судьбы, становилось не по себе. Но спорить с ними и самому оказаться снаружи хотелось ещё меньше.

За спиной послышалось шуршание. Едва женщины вышли из автобуса, как кто-то с силой толкнул меня в плечо. Я споткнулся о лежавший под ногами рюкзак и полетел носом в асфальт. В последний момент успел выставить руки и хоть немного смягчить падение.

Над головой прогремели два выстрела. Я вздрогнул. В ушах зазвенело, перед глазами на мгновение потемнело. Приподняв голову, увидел прямо перед собой армейские сапоги. Тёмная пелена постепенно рассеялась, и рядом со мной тяжело рухнул тучный мужчина.

При падении его лысеющая голова повернулась в мою сторону. Забыв о боли в ладонях, я испуганно подскочил на колени, снова едва не запутавшись в рюкзаках. На штанине мужчины быстро расползалось тёмное пятно. Рука разжалась, и на асфальт выпал маленький складной нож. Он материл всех вокруг, хватался за простреленную ногу и, тяжело пыхтя от боли, заливался слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.